

Илья

БЕРРОУЗ

ГОЛЫЙ
ЗАВТРАК

18+

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Уильям Берроуз

Голый завтрак

«АСТ»

1959

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Берроуз У. С.

Голый завтрак / У. С. Берроуз — «АСТ», 1959 — (Чак Паланик и его бойцовский клуб)

ISBN 978-5-17-102564-9

Одна из величайших книг неконформистской культуры за всю историю ее существования. Одна из самых значительных книг XX века, изменившая лицо современной прозы. «Голый завтрак» – первый роман Уильяма Берроуза, сразу же поставивший автора в ряд живых классиков англоязычной литературы. Странная, жестокая и причудливая книга, сочетающая в себе мотивы натурализма, визионерства, сюрреализма, фантастики и психоделики. «Порвалась дней связующая нить»... и неортодоксальные способы, которыми Уильям Берроуз предлагает соединить ее, даже сейчас могут вызвать шок у среднего человека и вдохновение — у искушенного читателя. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-102564-9

© Берроуз У. С., 1959

© АСТ, 1959

Содержание

«Голый завтрак» под судом	6
Министр юстиции против книги под названием «Голый завтрак»	7
Выдержки из стенограммы бостонского процесса «Голого завтрака»	8
Введение	21
БЕНВЕЙ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Уильям Берроуз

Голый завтрак

William S. Burroughs

NAKED LUNCH

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

© William S. Burroughs, 1959, 1964, 1982, 1991

© Перевод. В. И. Коган, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Книга содержит нецензурную брань

Уильям Берроуз – каким он был и каким себя видел. Король и классик англоязычной альтернативной прозы – о себе, своем творчестве и своей жизни. Что вдохновляло его? Секс, политика, вечная «тень смерти», нависшая над каждым из нас? Или... что-то еще? Какие «мифы о Берроузе» правдивы, какие есть выдумка журналистов, а какие создатель сюрреалистической мифологии XX века сложил о себе сам? И... зачем? Перед вами книга, в которой на эти и многие другие вопросы отвечает сам Уильям Берроуз – человек, который был способен рассказать о себе много больше, чем его кто-нибудь смел спросить.

«Голый завтрак» под судом

Верховный суд штата Массачусетс в приговоре, вынесенном 7 июля 1966 года, не признал «Голый завтрак» Уильяма С. Берроуза непристойным. Оправдав роман, обвиненный в непристойности, и найдя, что он находится под защитой Первой поправки к Конституции Соединенных Штатов, высшая судебная инстанция штата Массачусетс отменила приговор, ранее вынесенный Высшим судом Бостона, и устранила угрозу запрещения данной книги во всем штате. После того как в 1962 году «Голый завтрак» был впервые опубликован в США, единственная цензурная акция против книги за пределами штата Массачусетс имела место в Лос-Анджелесе, где с книги было снято обвинение в непристойности на судебном процессе 1965 года.

На Бостонском процессе, который предшествовал судебному решению Массачусетского Верховного суда, среди свидетелей, дававших показания в защиту «Голого завтрака», были Норман Мейлер, Аллен Гинзберг и Джон Чиарди. В качестве поверенного от имени автора книги и ее издателя выступал Эдвард де Грация, которому помогал Дэниел Клабок. Ниже приведен полный текст решения, вынесенного большинством Верховного суда штата Массачусетс, затем следуют отрывки из показаний мистера Мейлера, мистера Гинзберга, а также заявление мистера де Грация.

Министр юстиции против книги под названием «Голый завтрак»

Суд постановил. Данная книга была признана непристойной Высшим судом. Верховный суд Соединенных Штатов счел, что для подтверждения непристойного содержания «должны наличествовать три условия: должно быть установлено, что (а) господствующая тема данного материала, взятого в целом, вызывает похотливый интерес к сексу; (б) данный материал является открыто агрессивным, так как оскорбляет современные общественные устои... и (в) данный материал *абсолютно* не несет в себе социальной ценности» (курсив наш). *Книга под названием «Мемуары женщины для утех, записанные Джоном Клелландом» против Генерального прокурора штата Массачусетс.* (Здесь и далее именуемое как дело о «Мемуарах».) «Голый завтрак» может вызвать похотливый интерес у лиц, страдающих отклонениями, и у тех, кто испытывает любопытство к подобным лицам. Для нас это чрезвычайно оскорбительно и является, как говорит сам автор, «грубым, непристойным и внушающим отвращение».

Что касается того, несет ли в себе данная книга социальную ценность, протокол содержит множество обзоров и статей из литературных и прочих изданий, где серьезно обсуждается эта противоречивая книга, автор которой описывает галлюцинации наркомана. Как следует из этих материалов, значительная и разумная часть общества считает, что книга не лишена литературной значимости. Несмотря на то что мы не связаны посторонними мнениями относительно данной книги, мы не можем игнорировать одобрения ее столь многими лицами, принадлежащими к литературному сообществу. Следовательно, мы не можем утверждать, что «Голый завтрак» не «несет в себе социальной значимости, когда оказывается в руках тех, кто издает или распространяет его на основе таковой ценности». См. дело о «Мемуарах», стр. 421.

В протоколе нет свидетельств того, что книга «эксплуатировалась коммерчески исключительно ради вызывания похоти». То есть, в данном случае вопрос о том, является ли книга (либо ее публикация и распространение) «абсолютно не имеющей социального значения», не ставится. См. дело о «Мемуарах», стр. 420–421, которое выступает в качестве обращения к преимуществу Первой поправки относительно подобного публикуемого материала как к ограниченной привилегии, утрачиваемой при неверном употреблении. См. также «Гинзбург против Соединенных Штатов», «Мишкин против Нью-Йорка». Ср. «Галвин против Нью-Йорка».

Предыдущее Окончательное решение отменяется, и следует вынести новое окончательное решение, что (не касаясь вопроса, эксплуатировалась ли данная книга коммерчески с целью вызывания похоти) эта книга не может быть объявлена непристойной. Это новое окончательное решение будет вынесено без предубеждения и положит конец судебным преследованиям данной книги согласно соответствующим параграфам закона, даже если окажется, что после 21 марта 1966 года, даты трех предыдущих заседаний Верховного суда (на которые уже делались ссылки), любые лица, ранее или в настоящее время, рекламировали или распространяли данную книгу в этом штате, чтобы в некотором смысле эксплуатировать ее ради, возможно, вызываемого ею похотливого интереса.

Таково постановление суда.

Председатель Верховного суда США не принимал участия в рассмотрении данного дела.

Выдержки из стенограммы бостонского процесса «Голого завтрака»

Эдвард де Грация: Мистер Мейлер, вы упомянули, что в некоторых из ваших произведений вы затрагиваете политические вопросы. Можно ли также сказать, что во многих своих произведениях вы – и как романист, и как эссеист – затрагиваете темы и вопросы морали?

Норман Мейлер: По крайней мере, пытаюсь. Это, как говорится...

Вопрос: Указывать, что хорошо, а что плохо?

Ответ: Если вы бейсболист, вы не утверждаете, что вы хороший третий бейсман, а просто пытаетесь играть на третьей базе. Таким же образом вы пытаетесь касаться вопросов морали. Насколько хорошо вы их касаетесь – другой вопрос.

В: Употребляя слово «мораль», я имею в виду, что вы пытаетесь касаться вопросов хорошего и плохого, добра и зла.

О: Да, я стараюсь касаться подобных вопросов.

В: Вы прочли «Голый завтрак» до судебного заседания?

О: Да.

В: Сложилось ли у вас какое-либо мнение относительно его значимости?

О: Мое мнение относительно его значимости меняется, поскольку сейчас я прочел книгу не до конца, хотя до этого уже дважды ее читал. Я прочел более двух третей книги, то есть всего уже почти три раза. Книга эта попадалась мне в течение двух- или трехлетнего периода, точнее, впервые я столкнулся с ней в 1959 году, в журнале «Биг тейбл». Там был опубликован отрывок. Потом, около двух лет назад, когда книга вышла, я прочел ее целиком. Последние несколько дней я читал ее медленно и внимательно. Я прочел сто десять страниц.

Суд: Какая связь между «Биг тейбл» и «Голым завтраком»?

Мейлер: «Биг тейбл» – это журнал.

Суд: Полагаю, это отраслевой журнал.

Мейлер: «Биг тейбл» был журналом, основанным несколькими редакторами, которые ушли из «Чикаго ревью», литературного журнала Чикагского университета.

Де Грация: Мистер Мейлер, не могли бы вы рассказать нам, что вы думаете о значимости романа, как бы ни менялось ваше мнение по этому поводу?

Мейлер: Ну что ж, изменение, о котором я упомянул, касается того, что интересно лично мне... в общем, я начал читать эту книгу. Когда я прочел ее, она мне очень понравилась. В последний раз я сказал себе: «Чудесная вещь». Теперь я начал читать ее с тревогой – я сомневался, понравится ли она мне настолько же снова.

Суд: Имеет ли книга отношение лично к вам?

Мейлер: Ну если я обязан давать показания и по этому поводу...

Суд: В таком случае прошу прощения.

Мейлер: Итак, прочитав ее, я обнаружил...

Суд: Вы ведь не стали бы ругаться жизнью за качество книги, которая сначала пришлась вам по душе, а при повторном прочтении не понравилась?

Мейлер: Нет, сэр. Но, во всяком случае, на сей раз я читал ее более внимательно. Чтение я еще не закончил. Мне приходится читать медленно и очень много думать – то есть уважительно относиться к тексту. Сейчас я ощутил, что там гораздо больше настоящей литературы, чем показалось мне в прошлый раз, хотя и в прошлый раз я понял, что это произведение большого таланта. У этого человека необычайный дар. Возможно, он самый талантливый писатель в Америке. Будучи профессиональным писателем, я не люблю награждать похвалами первого попавшегося автора.

Суд: А раньше вы его читали?

Мейлер: Я читал одну книгу, «Джанки», это было дешевое издание в мягкой обложке. Это просто очень хороший, добротный сострепанный роман. Фальшивый роман. Он написал его, чтобы заработать немного денег, но написал хорошо. Некоторые эпизоды этого романа даже присутствуют в «Голом завтраке» как одна из тем.

Однако на сей раз, читая его, я почувствовал, что структура этого произведения столь сложна, что я не стал бы сравнивать его даже с «Улиссом» Джеймса Джойса, и отнюдь не потому, что его можно назвать ни с чем не сравнимым. Сравнение возможно только при серьезном изучении произведения. Читая книгу, я на сей раз обнаружил, что она уже не так шокирует. Я все глубже и глубже постигал смысл, заключенный в различных ее частях. В первый раз, закончив чтение, я понял, что она хорошо написана. У парня необыкновенный стиль. Он точно передает некоторую красоту. Думаю, он передает красоту и в то же время порочность, низость, возбуждение, которыми проникнута разговорная речь, речь преступников, солдат, спортсменов, наркоманов.

Существует такой тип речи, который зовется подзаборным диалектом и которому присущи тонкие, язвительные, драматические черты. Берроуз улавливает эту речь так, как ни один из известных мне американских писателей. Кроме того – и на меня как писателя это производит впечатление, – кроме того, он тонко чувствует поэзию. Его поэтические образы впечатляют. Они нередко внушают отвращение, но в то же время в них присутствует ощущение столкновения, монтажа, причем совершенно необычное. И, как я уже сказал, все это вместе внушает мне огромное уважение к его стилю. А кроме того, на сей раз я начал ощущать, что на самом деле смысл книги куда глубже, чем я думал, что это произведение более глубокое, произведение рассчитанное, с заранее составленным планом. Другими словами, его художественные качества оказались строго взвешенными и более глубокими, чем я себе представлял. Поэтому я даже жду, когда окончится этот процесс, жду возможности закончить чтение. Как я уже говорил, на этот раз я прочел лишь половину.

Де Грация: Мистер Мейлер, пока вы говорили на эту тему, мистер Кауин (заместитель генерального прокурора) коснулся вопроса о заметках автора и о том, что автор не помнит, как их писал, – впоследствии они составили основу «Голого завтрака». Мне как писателю интересно ваше мнение о содержании этих заметок.

О: Я слушал внимательно, так как вспомнил, что читал об этом в начале книги. Читая книгу, я задумался над проблемой, являющейся одной из тайн писательского ремесла. Очень часто бывает так: вы просыпаетесь утром, начинаете писать, и у вас складывается впечатление, что пишете вы о том, о чем вовсе не думали. Все вырисовывается в мельчайших подробностях. Наилучший текст, на мой взгляд, не имеет никакого отношения к тому, о чем думает его автор. Существуют бессознательные расчеты, которые, по-видимому, делаются во сне. Вы еще спите, а произведение уже готово, и дисциплина писательского труда почти целиком состоит в том, чтобы воздерживаться от вмешательства в творческую работу, сделанную подсознанием. Другими словами, если человек работает над романом, то он ведет строго размеренную жизнь... вероятно, я слишком многословен. Короче говоря, благодаря размеренной жизни автор создает произведение, о котором даже не думает, будучи в сознании.

В произведении Берроуза, как мне кажется, происходит нечто совершенно необычайное, поскольку этот человек сам признает, что является наркоманом. Мне доводилось слышать различные версии того, как он написал «Голый завтрак». Кажется, он писал – где-то он об этом говорит... писал, одновременно пытаясь избавиться от наркомании, в других случаях он утверждает, что писал в стадии наркомании, то есть когда был наркоманом. Возможно, он писал эту книгу во всех трех фазах. Об этом остается лишь догадываться. Быть может, книга писалась и тогда, когда он был наркоманом, и когда лечился, и после того, как излечился от своего пагубного пристрастия.

Но что меня поражает, так это наличие в книге структуры, хотя и несовершенной. Как раз по причине несовершенства структуры мы и не можем назвать ее великой книгой, подобной «В поисках утраченного времени» или «Улисс». В наличии у этого человека таланта сомневаться не приходится. Когда этот талант был возбужден и даже воспламенен наркоманией, ему был нанесен и непоправимый урон. Не будь этот человек наркоманом, он мог бы стать одним из величайших гениев английской словесности. По той же причине в композиции книги присутствует ощущение страшной муки. И еще я считаю, что в книге есть стиль. Бессознательно проходя сквозь все злоключения и тяжкие испытания наркомании, автор все же придерживается какой-то схемы, и в этом заключен глубокий смысл. Любопытно хотя бы то, как периодически возникают одни и те же темы.

Я не имею представления о том, каким образом скомпонована эта книга. Компоненты столь необычны, что создается впечатление пира, где поданы тридцать, а то и сорок блюд. Есть их можно в любом порядке. Можно менять их местами. Все темы очень тесно переплетены; если объединить любую страницу с любой другой, возникает некая особая атмосфера. В этом заложен глубокий смысл.

А может быть, книга и не имеет никакой другой структуры, кроме потрясающей глубины авторского опыта – того исключительно тяжелого испытания, которое выпало на долю этого человека. Не исключено и то, что книга отличается жесткой структурой. Все это я говорю лишь на основании трех прочтений. Мне кажется, вещь весьма сложная, чего поначалу я не увидел – теперь она мне представляется просто захватывающей, меня тянет читать ее дальше и дальше, как это было с «Улиссом», когда я читал его в колледже. Впечатление такое, будто в книге заключены тайны, которые должны быть раскрыты в процессе чтения.

В: Употребляя такие слова, как «захватывающая», имеете ли вы в виду еще и то, что вам как писателю, а также другим писателям, книга представляется серьезной и важной? Какова, на ваш взгляд, ее значимость?

О: На меня как на писателя она оказала огромное влияние.

В: Ранее вы упоминали о бессознательном и подсознательном. Возникает ли у вас как у писателя чувство, что одним из важнейших качеств настоящего художника является способность облекать в художественную форму все то, что хранится в подсознании, и таким образом вносить свой вклад в общественную жизнь? Является ли это частью вашего понимания одной из задач или проблем данного писателя?

О: Не знаю, стоит ли заходить так далеко.

В: Позвольте мне перефразировать вопрос. Считаете ли вы, что в этой книге Берроуз тем или иным способом извлек из подсознания массу материала, ставшего полезным, а после придания ему художественной формы – и уникальным?

О: Думаю, он не только уникален и полезен, думаю, в этой вещи дана некая картина. Я считаю, что это произведение... Один из джентльменов, которые давали показания ранее, упомянул св. Августина. Мне мысль о св. Августине в голову не приходила. Для меня это просто изображение преисподней. Да, это Ад. Ваша честь, я кое-что об этом написал. Если пожелаете, могу прочитать.

В: У вас что, есть какие-то заметки?

Суд: У вас есть заметки?

Мейлер: Да, у меня есть заметки.

Суд: Прошу вас.

Мейлер: Так вот, в этих заметках...

Суд: Между прочим, когда вы их написали?

Мейлер: В воскресенье. Ранее я уже писал об Уильяме Берроузе в «Эскавайре», два, а может, и полтора года назад. Но я понял, что не хочу просто возвращаться к написанному. Те

заметки были хвалебными, но я почувствовал, что хочу их освежить. Если пожелаете, могу предложить их вам.

Де Грациа: Продолжайте, мистер Мейлер.

О: Уильям Берроуз является, по моему мнению – каковы бы ни были его сознательные намерения, – религиозным писателем. При чтении «Голого завтрака» возникает ощущение умерщвления духа, и с более сильным ощущением я не сталкивался ни в одном современном романе. Перед глазами встает картина, изображающая то, как вело бы себя человечество, будь человек полностью отлучен от вечности. Что придает этой картине пулеметно-заостренную четкость, так это полнейшее отсутствие сентиментальности. В религиозных материалах сентиментальность выступает наружу в виде некоей сахариновой набожности, вызывающей у впечатлительных, проницательных и глубоко чувствительных людей отвращение к любой мысли о религиозном чувстве. Берроуз избегает даже намека на подобную сентиментальность (которая, разумеется, свела бы на нет ценность его произведения), прилагая к серии педантично описанных и внушающих ужас событий резкую, язвительную лексику – своего рода юмор висельника, остатки гордости побежденного человека, гордости за то, что он не утратил, по крайней мере, своей горькой иронии. Тот же вид юмора процветает в тюрьмах и в армии, на ипподромах и в букмекерских конторах – граффити холодного, даже злого остроумия, основанного на функциях организма и брэнности тела, а также на пренебрежении, унижениях и муках, которые может испытывать человек. Это необузданный, страшный юмор, такой же беспристрастный и неумолимый, как налог с продажи. Это разменная монета общения в каждом из названных миров. Горечь – это щелочь, каждую серьезную тему она протравливает в едком веществе самых жестоких переживаний; то, что остается, так же сухо и серебристо, как кость. Именно этот вид высокопробного сухого осадка и является для меня эмоциональным содержанием произведения Берроуза.

Точно так же, как Иероним Босх с утонченностью линии и плутовским юмором выписывал самые дьявольские и чудовищные подробности, заставляя зрителя долго ощущать себя слугой во дворцах ужасов преисподней, так и Берроуз пробуждает в читателе дремлющее представление о том, каким может быть Ад – Ад, который может оказаться кульминацией, конечным продуктом научной революции. Медицина кончается наркотиками; жизнь кончается смертью; человечество может найти свой конец в Аду, который наступит из-за тщеславия разума. Нигде, кроме как в собранной в «Голом завтраке» коллекции уродов, полубезумных гениев, картежников, преступников, извращенцев и доведенных до скотского состояния людей, не отражены столь блестяще и современно тщета людских устремлений и необузданные пороки, неизбежные, когда идея личной или интеллектуальной власти ставится выше, чем сострадание к ближнему.

Этот документ обогащает нас, и наша страна производит более благоприятное впечатление, поскольку издатель может напечатать этот документ и продавать его в общедоступном книжном магазине, продавать легально. В нем даже содержится намек на то, что слова Линдона Джонсона о «Великом обществе» могут оказаться не простой похвалой политика, что они и в самом деле таят в себе зерно новой истины; ведь ни одно заурядное общество не сумело бы набраться храбрости и духовной честности, чтобы заглянуть в бездну «Голого завтрака». А Великое общество может без страха смотреть в пропасть собственного Ада, сознавая, что становится сильнее как нация, поскольку обладает художником, который способен возвратиться из Ада с изображением его чудовищных масштабов.

Я мог бы кое-что добавить, но, вероятно, суду этого достаточно.

Де Грациа: У меня вопросов больше нет.

* * *

Де Грациа: Мистер Гинзберг, вы прочли книгу Уильяма Берроуза «Голый завтрак»?

Аллен Гинзберг: Да.

В: И не один раз?

О: Да, несколько раз.

В: Не могли бы вы перечислить мне и суду несколько примеров, иллюстрирующих социально значимые идеи, которые выражены, по вашему мнению, в этой книге?

О: На мой взгляд, в ней содержится немало идей, имеющих большое общественное значение, и все они взаимосвязаны. Одной из главных идей является теория пагубного пристрастия к джанку, или теория пагубного пристрастия к героину, употребленная как модель пагубного пристрастия и ко многим другим вещам, помимо наркотиков. В книге это названо «Алгеброй потребности». Ярко описаны в книге и прочие виды пагубных пристрастий: пристрастие к гомосексуализму, которое также рассматривается Берроузом как один из видов наркомании, и в большем масштабе – то, что он рассматривает как пристрастие Соединенных Штатов к материальным благам и собственности. Несколько раз упомянуто в книге пристрастие к деньгам. Но самое главное – пристрастие к власти или контролю над другими людьми, к полному господству над ними. Словом, на протяжении всей книги даются яркие портреты людей, чьи навязчивые идеи или похоть направлены на контроль над разумом, сердцами и душами других.

«Алгебра потребности», эта теория пагубного пристрастия, упоминается в самом начале книги, во введении, римские цифры V–XVI¹; есть ссылки на нее также на стр. 21 и стр. 168 данной книги.

В: Как раз перед тем, как сослаться на страницы, где упоминается «Алгебра потребности», вы отметили, что Берроуз... что книга касается проблем контроля личности над личностями, учреждений над личностями. Имели ли вы в виду, что этот контроль ограничен – кажется, вы об этом сказали – духовными рамками?

О: Скорее это политический контроль.

В: Мне кажется, вы не упомянули контроль сексуальный. Хотелось бы знать, имели ли вы его в виду?

О: Да.

В: То есть несколько минут назад мистер Джексон указал суду на пару эпизодов, где весь ужас ситуации состоял, кажется, в гомосексуальных отношениях, практически навязанных, социально навязанных гомосексуальных связях. Итак, вернемся к вашему последнему ответу...

О: Тема, которую вы упомянули, тема сексуального контроля, рассмотрена в книге очень подробно, особенно в эпизодах с участием Карла и там, где описаны махинации доктора Бенвея с промывкой мозгов некоторых из его пациентов.

В: Обнаружили ли вы, что наряду с уже упомянутыми вами идеями в книге поднимается и спорный вопрос, социальный спорный вопрос, касающийся того, какой из двух способов обращения с наркоманами разумнее – карательный метод или медико-психиатрическое лечение?

О: Да. В книге эта проблема трактуется с различных точек зрения. Думаю, мнение автора, напрямую выраженное во Введении, а также, по-моему, в Приложении, таково, что медицинское лечение пристрастия к героину следует предпочесть карательному методу. Свою позицию он иллюстрирует драматическими образами наркоманов, против которых действовали карательным методом, и доводит эти образы до причудливых, сверхъестественных крайностей. На стр. 16 появляется образ Скупщика Брэдли, агента карательных сил, который в конце концов

¹ Все ссылки на номера страниц даются по изданию: William S. Burroughs. Naked Lunch. Grove Press, Inc. New York.

приобретает пристрастие к работе агента, начинает получать наслаждение от того, что наркоманы находятся в его власти, и, наконец, не может достичь совсем никакого наслаждения, если только не устанавливает непосредственный физический контакт с кем-нибудь из наркоманов.

Суд: Мистер Гинзберг, считаете ли вы, что эта книга непристойна?

Гинзберг: Нет, право же, нет, сэр.

Суд: Что ж, удивились бы вы, если бы сам автор допустил, что она непристойна и непременно должна быть непристойной для того, чтобы отразить его мысли и впечатления?

Гинзберг: Фраза, на которую вы ссылаетесь...

Суд: Да, она находится на стр. XII Введения: «Поскольку «Голый завтрак» затрагивает эту проблему здоровья, он, естественно, жесток, непристоен и внушает отвращение. Болезнь зачастую омерзительна, не для слабых желудков».

Гинзберг: Да, он это сказал. Я не думаю, что он намеренно делает книгу непристойной в правовом смысле, даже непристойной с собственной точки зрения либо с точки зрения благожелательного читателя. Ведь он касается жизненно важных и очень страшных вопросов.

Суд: Как по-вашему, что он имеет в виду, говоря: «Завтрак, как всегда, голый»? Вы не возражаете против подобных вопросов?

Де Грация: Нет, ваша честь.

Гинзберг: Кажется, эта фраза встречается там, где говорится о смертной казни.

Суд: А где говорится о смертной казни?

Гинзберг: Здесь же.

Суд: В предисловии, точнее – во введении?

Гинзберг: В одном из абзацев той же страницы: «Пускай они увидят, что находится на конце этой длинной газетной ложки».

Суд: Что такое «газетная ложка»?

Гинзберг: Нам преподносят на блюдечке, нас пичкают, кормят с ложечки новостями о смертях, о смертных приговорах и казнях.

Суд: Он употребляет выражение «газетная ложка»?

Гинзберг: Да.

Суд: На какой странице?

Гинзберг: На той же странице XII, с которой вы зачитывали: «Поскольку «Голый завтрак» затрагивает эту проблему здоровья...» – в конце следующего абзаца, начинающегося словами: «Определенные эпизоды книги...», написано: «Пускай они увидят, что находится на конце этой длинной газетной ложки».

Суд: Вы считаете, что название «Голый завтрак» связано со смертной казнью?

Гинзберг: Нет, нет. Оно связано с обнаженностью видения, со способностью видеть ясно, не обращая внимания на маску лицемерия и обмана, видеть сквозь эту маску.

Суд: Такова ваша интерпретация названия?

Гинзберг: Да.

Суд: Или смысла названия?

Гинзберг: Слова «голый» в названии. А «завтрак» – это, должно быть, пиршество, составленное из всей этой голой осведомленности.

Суд: Хорошо.

Де Грация: Говоря об идеях, которые вы обнаружили в книге, вы упомянули идею контроля и проблемы, сопутствующие контролю личности над личностью, учреждения над личностью. Связано ли все это с пагубным пристрастием к контролю или с введенным в книге термином «контроломан»?

О: Да. Концепция пагубного пристрастия служит для того, чтобы показать, пользуясь термином Берроуза, «контроломанов» – тех, кто приручает, и тех, кого приручают. И все это сводится к сексуальному, политическому и социальному контролю над людьми. На стр. 21 перед

нами возникает портрет доктора Бенвея, который характеризуется как очень хороший специалист и всесторонне образованный, сведущий в технологии контроломан. Это и есть человек, который в данном случае пристрастен к контролю и промывке мозгов целых социальных групп. Он представляет собой нечто вроде... это, в каком-то смысле, пародия на умелого, энергичного современного бюрократа. Кроме того, на страницах, которые следуют за стр. 21, и далее, на протяжении всей книги, в Свободине и в следующих разделах, автором даны почти научные описания способов массовой промывки мозгов и массового контроля, а также представлены теории современных диктатур, теории современных полицейских государств, высказывается предположение об использовании как наркотиков, так и электрошока... где-то говорится и о нервно-паралитических газах.

В: Когда автор высказывает подобные предположения, он эти вещи рекомендует или же, наоборот, – считает ужасными?

О: Думаю, он немногословно, сатирически анализирует их и представляет доказательства подобной деятельности в нашей современной культуре, а иногда и переносит их в жанре научной фантастики в кошмарное будущее, которое может ждать нас в том случае, если контроломаны одержат верх.

Суд: Мистер Гинзберг, эта книга перед вами?

Гинзберг: Да, у меня есть экземпляр, сэр.

Суд: Не откроете ли вы стр. XIV Предисловия?

Гинзберг: Введения?

Суд: Да. Третий абзац: «А некоторые из нас тащатся от Других Вещей, причем совершенно открыто, ведь я люблю видеть, что я ем, и наоборот, *mutatis mutandis*, как уж обернется дело. *Биллова Комната для Голого Завтрака*... Спешите видеть... Хороша для молодых и старых, людей и скотов. Нет ничего лучше капельки змеиного жира, чтоб смазать колеса и запустить балаган, старина. На чьей ты стороне? Заморо-ДЗЕН-ного Гидравлика? Или хочешь взглянуть на все вместе с Честным Биллом?»

Так есть ли какая-то связь между тем, что здесь сказано, и названием? И если есть, то как вы ее понимаете?

О: Думаю, здесь он приглашает в свою книгу как в Комнату для «Голого завтрака» Билла Берроуза, так что «спешите видеть», зайдите, оглядитесь. Вот товары, которые он предлагает, или – вот идеи, которые он предлагает. И делает он это в разухабистом стиле ярмарочного зазывалы – говорит о «змеином жире» и «хороша для молодых и старых, людей и скотов». Товары, которые он предлагает в этом абзаце, идеи, на которые он ссылается, – это идеи, выраженные в следующем абзаце: проблемой мирового здравоохранения номер один и является, по его мнению, та самая тенденция... тенденция к тому, что в механизированной цивилизации небольшая группа людей стремится захватить контроль, практически неограниченную власть.

Суд: Вы бы даже отдаленно не стали ассоциировать название с теми эпизодами книги, в которых изображены противоестественные поступки?

Гинзберг: Почему же, и с этими эпизодами стал бы. Описанные противоестественные поступки – это отчасти проявление того же контроля.

Суд: Можно ли в таком случае утверждать, что название связано с описанным в начале книги человеком, который ест поданные на тарелке испражнения?

Гинзберг: Нет, столь буквальная ассоциация мне в голову не приходила.

Суд: Ну а что бы вы сказали теперь?

Гинзберг: Я уверен, что можно было бы учесть и это. Конечно, это тоже можно учесть. Думаю, в названии приемлемы все уровни.

Де Грация: Затрагиваются ли в книге проблемы, касающиеся современных или будущих политических партий, нечто в духе Г. Дж. Уэллса или Кафки?

О: Да.

* * *

В: Итак, вернемся к вопросу, который я задал и на который вы начали отвечать, к вопросу, касающемуся политических партий, или воображаемых политических партий, или политических партий, перенесенных в будущее... Не могли бы вы назвать нам некоторые партии, описанные в «Голом завтраке»?

О: Конечно. Начиная со стр. 144, а может, стр. 165 или 169, дано полное и очень подробное описание примерно четырех воображаемых политических партий. В этом и состоит политическое содержание книги, и я считаю, что это в конечном счете и есть одна из самых интересных ее частей, по крайней мере самая важная.

Суд: Есть ли там консервативная партия?

Гинзберг: Да, даже две.

Суд: Укажите их, пожалуйста.

Гинзберг: Все зависит от того, что определять словом «консервативная». Если вам нужна консервативная партия, заслуживающая уважения, назову фактуалистов. Это люди, выступающие против возможного в будущем контроля со стороны полицейского государства. Они предупреждают об угрозе тотального контроля, контроля над народом, как в случае с доктором Бенвеем. В каком-то смысле они занимают крайне антигосударственную позицию, точнее – выступают против деградирующего государства.

Суд: В каком виде представлена в книге радикальная партия?

Гинзберг: Поскольку мистер Берроуз сам считает себя фактуалистом, то фактуалистов можно рассматривать и как радикалов. Экстремистская партия может быть как левой, так и правой. Последняя – это ликвидационисты.

Суд: С фактуализмом связано и общество Берча, не так ли?

Гинзберг: Дело в том, что я не читал их *прозу*.

Суд: Хорошо.

Де Грация: Есть ли в книге экстремистские партии?

О: Да. Там две экстремистские партии. Одна из них – ликвидационисты. О них можно прочесть начиная со страницы 163.

В: В общих чертах можно ли их сравнить с фашистами?

О: Именно так. В данном случае *ликвид* – является частью слова, употреблявшегося фашистами и коммунистами, это намек на политику ликвидации, о которой говорил еще Сталин. Они хотят ликвидировать, или превратить в «ликвид», всю оппозицию, каждого следует превратить в жидкость, или ликвидировать, оставив лишь одну контролирующую личность, которая будет править миром.

В: А кто такие дивизионисты?

О: У них другой метод захвата власти. Они состоят из одной фракции, точнее, одного человека, которого называют сендером, – он намерен выжить, наводнив мир точными копиями самого себя. Он будет делиться надвое и изготавливать собственные копии. Куда бы он ни поехал, ему будет с кем поговорить. Больше никогда он не будет страдать от одиночества.

Суд: Выходит, дивизионисты – это гомосексуалисты?

Гинзберг: Да. Дивизионист представляет собой пародию на гомосексуалиста. Но дело в том, что в этой книге Берроуз критикует и гомосексуалистов.

Суд: Консерваторы в книге относятся к какой-либо определенной сексуальной группе?

Гинзберг: По-моему, консерваторы, если считать консервативными взгляды фактуалистов... они представляются мне сторонниками *laissez-faire*²: все, что естественно, все, что не

² Невмешательства (*фр.*).

приносит вреда, то и приемлемо. Когда гомосексуализм превращается в навязчивую идею, в способ принудительного контроля над другими людьми, тогда его не следует одобрять. И, насколько я помню, фактуалисты, будучи консервативной партией, выпустили по этому поводу несколько предварительных бюллетеней, которые, кажется, приводятся на стр. 167.

Суд: Разумеется, их не следует принимать всерьез, поскольку все это является чистой фантазией.

Гинзберг: Конечно.

Суд: И следует, по-моему, обязательно указать на то, что здесь не существует, как мы понимаем, абсолютно никакой связи ни с одной политической партией Соединенных Штатов.

Де Грация: Думаю, все это футуризм.

Гинзберг: Да, как я и говорил, в этих эпизодах имеются в виду воображаемые политические партии. И все-таки, как мне кажется, Берроуз сказал бы, что все это типично для основных сил, действующих сегодня в мире. Возможно, это объяснимо, поскольку в мире существуют полицейские государства.

Суд: Действительно ли в книге возникает серьезная необходимость в изображении футуристических политических партий?

Гинзберг: Да, даже тех политических группировок, которые существуют повсюду, в том числе и в Америке.

Де Грация: По-вашему, когда автор говорит о партии дивизионистов, о которой только что шла речь, и проецирует в будущее некий вид футуристической политической партии, то на самом деле он имеет в виду не политические партии, а существующие сегодня общественные группы, ведущие политическую борьбу в Соединенных Штатах?

О: Да.

Суд: В какой политической борьбе участвуют гомосексуалисты?

Гинзберг: Это сложный вопрос, сэр.

Де Грация: Я полагаю, автор показал, что они представляют собой лишь часть дивизионистов.

Гинзберг: Гомосексуализм в том виде, в котором он здесь изображен, — это лишь один из методов контроля над другими людьми. Существуют и иные методы, помимо прямой сексуальной обработки, один из них — промывка мозгов, при которой промывщик мозгов, пытающийся этим садистским способом подчинить своей воле другого человека, отождествляется с гомосексуалистом, пытающимся обрести над другим человеком физическую власть.

Суд: Позвольте мне спросить еще раз: по-вашему, автор серьезно полагает, что в будущем может появиться политическая партия, каким-то образом связанная с сексом?

Гинзберг: Думаю, да.

Де Грация: Что касается «1984»...

Суд: Прошу прощения. Когда я говорю «связанная с сексом», я не имею в виду искоренение извращений. Я не говорю ни о какой кампании, направленной на то, чтобы сделать более пригодным для жизни тот мир, каким мы с вами видим его сегодня. Однако, как мне кажется, из вашего ответа следует, что автор попытался изобразить политическую партию будущего, состоящую из гомосексуалистов.

Гинзберг: Видите ли, раз уж мы об этом заговорили, то можно считать, что в каком-то смысле это уже произошло — я имею в виду сексуальных извращенцев, — достаточно вспомнить Гитлера, Германию под властью Гитлера, ведь их политическая партия состояла из людей, не совсем нормальных в сексуальном отношении.

Суд: Гомосексуалисты могут оказаться в любой политической партии, но не думаю, что они доминируют хотя бы в одной из них.

Де Грация: Мне кажется, мистера Гинзберга в данном случае интересует не столько то, был ли Гитлер извращенцем и состояла ли фашистская партия из гомосексуалистов, сколько

то, и мистер Гинзберг указывает нам на это, что автор вообще касается этих вопросов, а также описывает некоторых людей подобного сорта и партии, членом одной из которых он себя считает. Что он затрагивает серьезные политические проблемы – проблемы, имеющие отношение даже к существующим политическим партиям или политическим партиям недавнего прошлого.

Гинзберг: Позвольте одно замечание, сэр.

Суд: Пожалуйста.

Гинзберг: Постараюсь кое-что прояснить. Партия, воображаемая партия, подобная дивизионистам... хотя гомосексуализм и является одним из аспектов дивизионизма, существуют другие политические аспекты. Дивизионизм – это не просто другое название гомосексуализма. Дивизионисты преследуют и иные цели: так, они заключают множество сделок и международных соглашений, не приносящих практически никаких результатов, к примеру, тесно взаимодействуют с другой группировкой, ликвидифракционистами. Я думаю, что автор сравнивает их не с определенной сексуальной группой, а скорее с группой расовой. Он проводит параллель между ликвидифракционистами и расистами. Ликвидифракционисты хотят превратить в жидкость, или уничтожить, всех, кроме себе подобных. Они стремятся к абсолютной власти. Между этими политическими партиями нет сексуальной связи, и такие названия, как ликвидифракционисты – я утверждаю это, – применимы на более высоком уровне, куда *выше* сексуального. Игра слов употребляется здесь не зря.

Де Грация: Мистер Гинзберг, в книге упоминается персонаж, названный Окружным Управляющим?

О: Да.

В: Кажется, это...

Суд: Между страницами 144 и 165?

Гинзберг: Окружной Управляющий появляется на стр. 169. Я бы назвал его типичным представителем ликвидифракционистов. Он изображен превосходно, хотя и современно-приземленным газетным языком, языком таких людей, о которых мы читаем в газетах, – это может быть как противник негров и северян, так и антисемит, южанин, белый бюрократ-расист. Вероятно, этот образ дан здесь как пример человека, которого Берроуз назвал бы сегодня ликвидифракционистом. Думаю, это один из самых смешных, самых блестящих разделов книги – не забывайте, что он написан еще до того, как подобные люди начали столь часто выступать в прессе. Все это написано прекрасной прозой – в том смысле, что автор очень точно передал как грубую речь, так и жаргон описываемого персонажа.

Суд: Особенно там, где речь идет об аптеке на Делтон-стрит.

Гинзберг: Да, кажется, этот раздел заключен между стр. 169 и 177. Там приводится длинный монолог Южного Шерифа, или Окружного Управляющего, заканчивающийся на 177-й странице словами: «Управляющий недоверчиво взглянул на билет:

– Что-то не похож ты на настоящего откормленного Дикого Кабана... Что ты думаешь о евре-е-е-ях?..

– Сами знаете, мистер Анкер, еврей только и хочет, что отдудонить молодую христианку... В один прекрасный день мы с этим покончим».

Суд: На какой вы сейчас странице?

Гинзберг: На странице 177. Это действительно очень смешно.

Суд: Тогда позвольте задать вам такой вопрос: не является ли эта фраза оскорбительной, грубо оскорбительной лично для вас?

Гинзберг: Я еврей, и поэтому вроде бы должен обидеться. Но все дело в позиции Берроуза, ведь он пародирует этого урода, этого антисемита.

Суд: Это вас не оскорбляет?

Гинзберг: Нет. В данном случае Берроуз на стороне евреев. Разве вы не видите, что он создает пародию на чудовищные речевые и мыслительные процессы неотесанного южанина, человека, ослепленного ненавистью, ненавидящего всех – евреев, негров, северян. Думаю, здесь Берроуз занимает весьма высоконравственную позицию, поскольку отстаивает добродетель.

* * *

Де Грация: Будьте добры, мистер Гинзберг, скажите суду, повлиял ли «Голый завтрак» на вашу творческую работу, и если да, то в какой степени?

О: В огромной.

В: Своей экспериментальной формой или чем-то иным?

О: Книга оказывала на меня огромное воздействие на протяжении многих лет, в течение которых я читал и перечитывал как ее, так и другие книги этого писателя. На сей раз я был особенно поражен, поскольку понял, сколь чудовищно тяжело правдиво и точно выразить то, что творилось в голове автора, как трудно отбросить все сдерживающие факторы. Это настоящая исповедь, он выложил все, причем так, чтобы это было понятно каждому.

Он нашел способ изложить это настолько экономно, насколько возможно. Он применил нечто вроде мозаичного метода, расположил различные элементы в определенном порядке. Но особенно поразило меня то огромное мужество, которое потребовалось, чтобы решиться на такое полное признание. Он абсолютно ничего не утаил и не упустил.

В: Заметно ли мастерство в этой книге?

Суд: Литературное мастерство.

О: Что касается литературного мастерства...

В: Частично вы отвечаете на этот вопрос, когда говорите об «огромном мужестве», и так далее...

О: Да, я и в самом деле думаю, что это входит в понятие литературного мастерства.

В: Что он сумел облечь [это] в форму искусства?

О: Да. И такого рода мужество, и некий авторский идеалистический порыв являются, по-моему, неотъемлемой частью литературного мастерства. На менее глубоком уровне находится вопрос стиля и композиции, подобной, как я уже сказал, мозаике. Эпизоды собраны, как мозаика, составленная в книге очень искусно и красиво. Главные литературные достоинства, которые отметил я и отметили многие другие, – это, прежде всего, фантастический авторский слух на манеру речи, характерную, к примеру, для доктора, читающего лекцию по медицине, для джанки, макающего в чашку слобный торт, полицейского из отдела наркотиков при его столкновении с окружным инспектором, беспризорника из Северной Африки, провинциальной домохозяйки средних лет, южанина Окружного Управляющего. Вся эта невероятная гамма речевых ритмов и манер в сочетании с натюрмортным стилем изложения способствует достижению в высшей степени лаконичной, афористической точности.

В: Таким образом, эта книга чему-то научила вас как поэта. А научила ли она чему-нибудь кого-либо из известных вам людей?

О: Да. И еще одно: книга написана безупречным языком, она полна подлинной поэзии, не уступающей, по-моему, ни одному из написанных в Америке поэтических произведений, особенно одно место, которое я хотел бы прочесть: «Мотель... Мотель... Мотель... расколотая неоновая арабеска... одиночество стонет по всему континенту, как туманные горы над неподвижной масляной водой приливных рек...»

В: Кажется, вы однажды написали стихотворение о «Голом завтраке»?

О: Да, довольно давно.

В: Оно при вас?

О: Да.

В: Где оно напечатано?

О: В моей книге, которая называется «Бутерброды реальности».

Суд: Где я могу найти эту книгу?

Гинзберг: Вероятно, в Кембридже. Это стихотворение я написал, прочтя лишь некоторые места книги. Оно называется «На произведение Берроуза». Могу я его прочитать?

В: Да, пожалуйста.

О: Метод – лишь грубая пища
без символических специй,
виденья, места заключенья
воссозданы очень точно.

Места заключенья, видения,
описанные без прикрас,
вызывают в воображении
Розу и Алькатрас.

Голый завтрак – еда привычная,
мы жуем бутерброды реальности.
А аллегии подобны листьям салата.
Безумие под ними не спрятать.

Де Грация: Вопросов больше нет.

* * *

Де Грация: ... С разрешения вашей чести я бы хотел теперь прочитать часть письма, которое не так давно получил от Уильяма Берроуза. «Вопрос: что такое секс? И сопутствующие вопросы, такие как: что является непристойным, аморальным, – не задаются, не говоря уже о том, что на них не дается ответа, именно ввиду барьеров семантического страха, который препятствует свободному и, как я полагаю, объективному научному изучению сексуальных феноменов. Как можно изучать эти явления, если о них запрещено и писать, и думать?»

Если не будет, наконец, разрешено свободное исследование сексуальных проявлений, секс будет и в дальнейшем контролировать человека в большей степени, чем человек – секс. Явления эти абсолютно неизвестны, поскольку они умышленно игнорируются и исключаются как предмет описания и исследования.

Здесь перед нами все та же преграда – средневековые суеверия и страхи, – преграда, которая на протяжении нескольких сотен лет сдерживала развитие естественных наук при помощи догм, подменявших собой научное познание. Короче говоря, те же самые объективные методы, которые применяются в естественных науках, следует ныне применить к сексуальным проявлениям с намерением их понять и контролировать. Врача не критикуют за описание проявлений и симптомов болезни, хотя симптомы и могут внушать отвращение.

Полагаю, и писатель вправе пользоваться такой же свободой. Я думаю даже, что настала пора стереть грань между литературой и наукой, грань чисто произвольную».

Конец цитаты.

Ваша честь, нас давно учили тому – и таково выраженное мистером Берроузом мнение, которое я привел в своем заключительном доводе, – что художники и писатели способствовали развитию знаний и учений цивилизации, вероятно, не в меньшей степени, чем ученые.

Позвольте мне теперь процитировать, на сей раз очень кратко, основателя современной психиатрии Зигмунда Фрейда: «Писатели, наделенные творческим воображением, являются ценными коллегами, и их письменные свидетельства следует ценить очень высоко, поскольку они черпают из источников, которые мы еще не сделали доступными для науки. Самой насущной потребностью писателя с богатым воображением является, конечно, изображение духовной жизни людей. Писатель всегда был предтечей науки, а значит, и научной психологии». В том же духе высказался один из ведущих просветителей нашей страны Джон Дьюи. Цитирую: «Свобода писателя в творческом отношении – такое же неперемнное условие формирования адекватного мнения по общественным вопросам, как и свобода социальных исследований. Художники всегда были настоящими поставщиками новостей, ведь новость – это не нечто внешнее или происходящее само по себе, новость рождает эмоции и развивает способность к восприятию окружающего мира».

Ваша честь, я с этим согласен. Думаю, согласятся и свидетели, которых мы сегодня заслушали, которые читали «Голый завтрак» и давали показания суду и нам. Я уверен, что с этим при необходимости согласится Верховный суд Соединенных Штатов. Надеюсь, что согласны и вы.

Введение

Письменное показание: заявление по поводу Болезни

После Болезни я очнулся в возрасте сорока пяти лет, сохранив здравый ум, присутствие духа и вполне сносное здоровье, если не считать ослабленной печени и ощущения где-то позаимствованной плоти, характерного для всех, кто выживает после Болезни... Большинство выживших не в состоянии вспомнить кошмар во всех подробностях. Судя по всему, я составил подробные записи о Болезни и бредовом состоянии. Точно не помню, как я писал то, что теперь опубликовано под названием «Голый завтрак». Название предложил Джек Керуак. До недавнего своего выздоровления я не понимал, что оно означает. А означает оно именно то, о чем говорят эти слова: ГОЛЫЙ завтрак – застывшее мгновение, когда каждый видит, что находится на конце каждой вилки.

Болезнью является наркомания, и я был наркоманом пятнадцать лет. Под словом «наркомания» я имею в виду пристрастие к «джанку» (общее название опиума и/или его производных, включая и все синтетические – от демерола до палфиума). Джанк я употреблял в разных видах: морфий, героин, делаудид, юкодол, пантопон, диокодид, диосан, опиум, демерол, долофин, палфиум. Я курил джанк, ел его, нюхал, кололся им в вену-мышцу-кожу, вставлял свечи в прямую кишку. В игле нет ничего особенного. Нюхаете ли вы, курите или запикиваете джанк себе в задницу, результат один – привыкание. Говоря о пристрастии к наркотикам, я не имею в виду ни гашиш, ни марихуану, ни любой препарат из конопли, мескалина, Bannisteria саарі, ЛСД-6, священных грибов, ни любые другие наркотики галлюциногенной группы... Нет оснований полагать, что употребление какого-либо галлюциногена приводит к физической зависимости. Действие этих наркотиков физиологически противоположно действию джанка. Прискорбное смешение этих двух классов наркотиков возникло благодаря усердию как американского, так и других бюро по борьбе с наркотиками.

За пятнадцать лет своего пагубного пристрастия я до конца понял, каким образом действует вирус джанка. В пирамиде джанка каждый уровень пожирается более высоким (не случайно занимающие высокое положение в джанке – всегда толстые, а уличный наркоман всегда тощий), и так до самой вершины или вершин, поскольку народами всего мира питается множество джанковых пирамид – и все они построены на основных принципах монополии:

1. Никогда ничего не давать даром.
2. Никогда не давать больше, чем следует дать (всегда держать покупателя голодным и всегда заставлять его ждать).
3. При первой же возможности забирать все назад.

Барыга всегда вновь отбирает отданное. Наркоману требуется все больше и больше джанка, чтобы сохранять человеческий облик... откупаться от Обезьяны.

Джанк формирует монополию и одержимость. Наркоман лишь присутствует при том, как его джанковые ноги несут его по джанковому лучу прямоком к рецидиву. Джанк точно измеряется количественно. Чем больше джанка вы употребляете, тем меньше его имеете, и чем больше имеете, тем больше употребляете. Все, кто употребляет галлюциногенные наркотики, считают их священными – существуют культы пейотля и культы Bannisteria, культы гашиша и культы Гриба... «Священные Грибы Мексики дают человеку возможность увидеть Бога», – но никто и никогда не допускал мысли о том, что священен джанк. Культов опиума не существует. Опиум – такая же земная, поддающаяся счету вещь, как деньги. Я слышал, что в Индии некогда был благотворный джанк, не образующий привыкания. Он назывался «сома», и описывают его как прекрасный голубой поток. Если «сома» и существовал когда-нибудь, то был и Барыга,

который разливал его в бутылки, монополизировал и продавал, после чего он превращался в обыкновенный старинный ДЖАНК.

Джанк – это идеальный продукт... абсолютный товар. В торговых переговорах нет необходимости. Клиент приползет по сточной канаве и будет умолять купить... Торговец джанком не продает свой товар потребителю, он продает потребителя своему товару. Он унижает и упрощает клиента. Он платит своим служащим джанком.

Джанк соответствует основной формуле вируса «зла»: *Алгебре Потребности*. Лик «зла» – это всегда лик тотальной потребности. Наркоман – это человек, испытывающий тотальную потребность в наркотике. При частом повторении потребность становится беспредельной, над ней утрачивается контроль. Пользуясь терминами тотальной потребности: «*А вы бы не стали?*» Да стали бы. Вы стали бы лгать, мошенничать, доносить на друзей, красть, делать *все что угодно*, лишь бы удовлетворять тотальную потребность. Потому что вы находились бы в состоянии тотальной болезни, тотальной одержимости и не имели бы возможности действовать каким-либо другим способом. Наркоманы – это больные люди, которые не могут поступать по-другому. У бешеной собаки нет выбора – она кусает. Напускная самонадеянность не ведет ни к какой цели, если только целью не является приведение джанкового вируса в действие. А джанк – это крупная отрасль промышленности. Припоминаю разговор с одним американцем, который работал в комиссии по афтозу в Мексике. Шестьсот в месяц плюс представительские.

– Долго ли еще продлится эпидемия? – поинтересовался я.

– Столько, насколько мы сумеем ее продлить... Да, и еще... возможно, скоро афтоз начнется в Южной Америке, – мечтательно произнес он.

Если вы хотите изменить или уничтожить пирамиду цифр в математическом уравнении порядка, вы заменяете или убираете нижнюю цифру. Если мы хотим уничтожить пирамиду джанка, мы должны начать с основания этой пирамиды – с уличного наркомана – и прекратить ломать копыя в борьбе с так называемой «верхушкой»; все, кто ее составляет, способны моментально взаимозаменяться. *Наркоман с улицы, который должен употреблять джанк, чтобы выжить, является единственным неизменным коэффициентом в джанковом уравнении*. Когда не станет наркоманов, покупающих джанк, не станет и торговли джанком. Пока существует потребность в джанке, кто-то будет ее обслуживать.

Наркоманов можно лечить или подвергать изоляции, выдавая им морфий и установив минимальный надзор, подобный надзору за разносчиками тифа. Когда это будет сделано, джанковые пирамиды во всем мире рухнут. Насколько мне известно, Англия – единственная страна, где применяется этот метод решения джанковой проблемы. В Соединенном Королевстве подвергнуты изоляции примерно пятьсот наркоманов. При жизни одного из будущих поколений, когда изолированные наркоманы вымрут и будут открыты болеутоляющие средства, действующие на «неджанковом» принципе, вирус джанка станет, подобно оспе, законченной главой – медицинской диковинкой.

Существует вакцина, которая способна отправить вирус джанка в прошлое и предать его забвению. Такой вакциной является Лечение Апоморфином, открытое одним английским врачом, чьего имени я не имею права называть, пока не последует разрешение на его использование и на цитирование книги о его тридцатилетней практике апоморфинного лечения наркоманов и алкоголиков. Соединение апоморфин образуется при кипячении смеси морфина с соляной кислотой. Оно было открыто задолго до того, как стало применяться для лечения наркоманов. Долгие годы апоморфин, который не обладает ни наркотическими, ни болеутоляющими свойствами, использовался только для вызывания рвоты при отравлении. Он действует непосредственно на рвотный центр в затылочных долях мозга.

Эту вакцину я обнаружил в конце джанкового пути. Я жил в однокомнатной квартирке в туземном квартале Танжера. Целый год я не принимал ванну, не менял одежду и снимал ее только для того, чтобы ежечасно вонзать иглу в жилистое, одеревеневшее на последней ста-

дии наркомании тело. В комнате я ни разу не убирал. Пустые коробки из-под ампул вместе с гниющим мусором были свалены в кучу высотой до потолка. Свет и воду давно отключили за неуплату. Я совершенно ничего не делал. Восемь часов кряду я мог разглядывать носок своего башмака. Встряхнуться приходилось только тогда, когда иссякали последние песчинки в песочных часах джанка. Если заходил кто-нибудь из приятелей – а они заходили редко: было ли кого (или что) навещать? – я сидел, не обращая внимания ни на то, что он попадал в мое поле зрения – серый экран, всегда пустой и тусклый, – ни на то, что исчезал из него. Умри он на месте, я и тогда продолжал бы сидеть, разглядывая свой башмак, а потом прошелся бы по его карманам. А вы бы? Мне ведь никогда не хватало джанка – и никому никогда не хватает. Перестало хватать и тридцати гран морфия в день. А еще и бесконечные ожидания у аптеки. Промедление – одно из правил торговли джанком. Человек никогда не появляется вовремя. Это не случайно. В джанковом мире случайностей не бывает. Наркомана вновь и вновь учат тому, что именно произойдет, если он не сможет раздобыть свою дозу джанка. Гони денежки, а не то... А моя доза внезапно подскочила. Сорок, шестьдесят гран в день. И даже этого не хватало. Да и платить было нечем.

Я стоял там с последним чеком в руке, сознавая, что это мой последний чек. Я купил билет на ближайший самолет в Лондон.

Доктор объяснил мне, что апоморфин действует на затылочные доли мозга, регулирует обмен веществ и нормализует кровообращение таким образом, что ферментная система наркомании разрушается за четыре-пять дней. Когда затылочные доли мозга отрегулируются, прием апоморфина можно будет прекратить, и возобновить его следует только в случае рецидива. (Ради удовольствия апоморфин никто принимать не станет. *Не было отмечено ни одного случая привыкания к апоморфину.*) Я согласился пройти курс и лег в частную лечебницу. Первые двадцать четыре часа я был настоящим безумцем и параноиком, как и многие наркоманы на тяжелой стадии отнятия. Этот бред исчез после двадцати четырех часов интенсивной апоморфинной терапии. Доктор показал мне схему. Я получал незначительные количества морфия, которыми, вероятно, нельзя было объяснить отсутствие у меня более тяжелых симптомов отнятия, таких как судороги в ногах и желудке, лихорадочное состояние, а также мой собственный, особый симптом – Холодный Жар, при котором кажется, будто тело, натертое ментолом, окутывает пчелиный рой. У каждого наркомана есть свой собственный, особый симптом, из-за которого полностью утрачивается самоконтроль. В уравнении отнятия был пропущен один коэффициент – им может быть только апоморфин.

Я видел, что лечение апоморфином по-настоящему действует. Через восемь дней я вышел из лечебницы с нормальным сном и аппетитом. Я совсем не употреблял джанк два года – рекорд за двенадцать лет. Рецидив на несколько месяцев все же был – как следствие боли и недомогания. Повторный курс апоморфина дал мне возможность обходиться без джанка и теперь, когда я пишу эти строки.

Лечение апоморфином качественно отличается от других методов лечения. Я перепробовал все. Резкое и постепенное снижение дозы, кортизон, антигистамины, транквилизаторы, лечение сном, толсерол, резерпин. Все эти курсы длились лишь до того момента, как появлялась первая возможность рецидива. Могу определенно сказать, что я ни разу не был излечен *метаболически*, пока не предпринял курс апоморфина. Ошеломляющая статистика рецидивов, приведенная Лексингтонским наркологическим госпиталем, заставила многих врачей утверждать, что наркомания неизлечима. В Лексингтоне применяют курс снижения дозы долофина и, насколько мне известно, никогда не пробовали апоморфин. И в самом деле, этот метод лечения сильно недооценивают. Не проведено никаких исследований ни с разновидностями формулы апоморфина, ни с синтетическими веществами. Без сомнения, можно получить вещество в пятьдесят раз сильнее апоморфина и избавиться от такого побочного эффекта, как тошнота.

Апоморфин – это метаболический и психический регулятор, прием которого можно прекратить, как только он сделает свое дело. Мир наводнен транквилизаторами и стимуляторами, но на этот уникальный регулятор никто не обращает внимания. Ни одна из крупных фармацевтических компаний не провела никаких исследований. Я считаю, что опыты с разновидностями апоморфина и его синтезом откроют перед медициной возможности, далеко выходящие за рамки проблемы наркомании.

Против прививки оспы возражала группа горластых безумных антивакцинистов. Нет сомнения, что раздадутся вопли протеста со стороны заинтересованных или неуравновешенных индивидуумов, когда из их рук вырвут вирус джанка. Джанк – это крупный капитал со своими механизмами и своими промышленниками. Им нельзя позволять вмешиваться в весьма важное дело лечения при помощи прививок и карантинной изоляции. *Сегодня вирус джанка – это проблема мирового здравоохранения номер один.*

Поскольку «Голый завтрак» затрагивает эту проблему здоровья, он, естественно, жесток, непристойен и внушает отвращение. Болезнь зачастую омерзительна, не для слабых желудков.

Определенные эпизоды книги, которые были названы порнографическими, написаны как трактат против смертной казни в манере «Скромного предложения» Джонатана Свифта. Эти разделы направлены на то, чтобы разоблачить смертную казнь как непристойный, варварский и отвратительный анахронизм, каковым она и является. Завтрак, как всегда, голый. Если цивилизованные страны хотят вернуться к друидическим обрядам повешения в Священной роще или упиваться кровью вместе с ацтеками и поить их богов кровью человеческих жертв, пускай же они увидят, что едят и пьют на самом деле. Пускай они увидят, что находится на конце этой длинной газетной ложки.

Я почти закончил продолжение «Голого завтрака». Математический выход Алгебры потребности за пределы джанкового вируса. Поскольку существует множество видов зависимости, по-моему, все они подчиняются основным законам. Говоря словами Хайдеггера: «Возможно, это и не лучший из миров, но он может оказаться одним из простейших». Если человечеству не откажет *зрение*.

Post scriptum... А вы бы?

А говоря *от себя лично*... ведь если человек говорит иначе, нам стоило бы взяться за поиски его Протоплазменного Папаши или Материнской Клетки... *Не желаю больше слушать старую, застрявшую в зубах джанковую трепотню и джанковое вранье*... То же самое говорилось уже миллион раз и даже больше, да и вообще нет смысла говорить, потому что в мире джанка Никогда НИЧЕГО Не Происходит.

Единственное оправдание этого опостылевшего пути к смерти – ЛОМКИ, когда джанковая цепь размыкается за неуплату и джанковый мошенник помирает от нехватки джанка и передозировки времени, а Старый Жулик забывает о своем жульничестве, облегчающем путь под покровом джанка, путь, который жулики выбирают сами... Ломки – это состояние абсолютной незащищенности, когда наркоману ничего не остается – разве что смотреть, нюхать и слушать.

...Остерегайтесь автомобилей...

Ясно, что джанк – это Толкание-Опиумного-Шарика-Вокруг-Света-Маршрутом-Вашего-Носа. Только для скарабеев – доходяг и джанковых развалин. А уж в качестве таковых вам место на свалке. Надоело на все это смотреть.

Джанки вечно сетуют на *Холод*, как они это называют, поднимая воротники своих черных пальто и втягивая в плечи морщинистые шеи... чисто джанковое надувательство. Джанки не хочет, чтобы ему было тепло, ему хочется ощущать Холодок-Прохладу-ХОЛОД. Но Холод ему нужен так же, как нужен его Джанк – НЕ СНАРУЖИ, где он бесполезен, а ВНУТРИ, чтобы

можно было сидеть себе с хребтом, подобным замороженному гидравлическому домкрату... его обмен веществ стремится к Абсолютному НУЛЮ. Отпетые наркоманы зачастую по два месяца ходят не испражняясь и зарабатывают кишечную спайку – а вы бы? – требующую вмешательства яблочного ножа или его хирургического эквивалента... Такова жизнь в Старом Ледяном Доме. Зачем болтаться вокруг да около и терять ВРЕМЯ?

Внутри есть Еще Одно Местечко, Сэр.

Есть люди, которые тащатся под термодинамическим кайфом. Они изобрели термодинамику... А вы бы?

А некоторые из нас тащатся от Других Вещей, причем совершенно открыто, ведь я люблю видеть, что я ем, и наоборот, *mutatis mutandis*, как уж обернется дело. *Биллова Комната для Голого Завтрака*... Спешите видеть... Хороша для молодых и старых, людей и скотов. Нет ничего лучше капельки змеиного жира, чтоб смазать колеса и запустить балаган, старина. На чьей ты стороне? Заморо-ДЗЕН-ного Гидравлика? Или хочешь взглянуть на все вместе с Честным Биллом?

Итак, ранее в этой Статье я говорил о Проблеме Мирового Здравоохранения. Перед нами Большие Перспективы, Друзья МОИ. Неужто я слышу брюзжание по поводу персональной бритвы и некоего неудачливого мошенника-скупердя, который известен тем, что изобрел Вексель? А вы бы?.. Бритва принадлежала человеку по имени Оккам, а он не был коллекционером шрамов. «Трактатус Логико-Философикус» Людвига Витгенштейна: «Если предложение НЕ НЕОБХОДИМО, оно БЕССМЫСЛЕННО и приближается к НУЛЕВОМУ ЗНАЧЕНИЮ».

«А что менее НЕОБХОДИМО, чем джанк, если Вы в нем Не Нуждаетесь?»

Ответ: «Все джанки, если вы не сидите НА ДЖАНКЕ».

Скажу по секрету, братва, каких только банальных речей я не слышал, и все-таки всем прочим ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ГРУППАМ далеко до старой термодинамической джанковой ЗАТОРМОЗКИ. Допустим, ваш героинщик вряд ли что-нибудь возразит, и это я стерплю. Но ваш «Курильщик» Опиума более активен, ведь у него есть крыша над головой и Лампа... а может, и 7–9–10, что залегли там, внутри, и, точно находящиеся в зимней спячке рептилии, поддерживают температуру не ниже Разговорного Уровня: как низко пали все прочие джанки, «тогда как Мы – МЫ имеем крышу и лампу и лампу и крышу и крышу и здесь тепло и уютно и тепло уютно и ЗДЕСЬ и уютно а СНАРУЖИ ХОЛОДНО... ХОЛОДНО СНАРУЖИ где эти пожиратели отбросов и любители вмазаться не протянут и двух лет да и полгода вряд ли доходяги протянут есть же низкого пошиба людишки... Зато МЫ СИДИМ ЗДЕСЬ и никогда не повышаем ДОЗУ... никогда-никогда не повышаем дозу кроме СЕГОДНЯШНЕГО ВЕЧЕРА это ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ а все пожиратели отбросов и любители вмазаться там на холоде... И мы никогда не едим его никогда никогда никогда не едим его... Прошу прощения мне пора припасть к Источнику Живительных Капель который у всех у них при себе а опиумные шарики запихиваются в задницу в напальчнике вместе с Семейными Драгоценностями и прочим дерьмом».

Внутри есть еще одно местечко, сэр.

Ну а коль скоро эта запись звучит уже миллиардный световой год и ясно, что никогда не сменится пленка, мы, антиджанки, принимаем крутые меры, и торговцы лишаются доступа к любителям Джанка.

Единственный способ избежать этой смертельной опасности – подгрести СЮДА и провести ночь с Харибдой... Гарантирую удовольствие, малыш... Сладости и сигареты.

Под этой крышей я пробыл пятнадцать лет. Внутри и снаружи внутри и снаружи внутри и СНАРУЖИ. Вышел – и *Точка*. Так послушайте же Старого Дядюшку Билла Берроуза, который изобрел хитроумный Регулятор для Счетной Машины Берроуза на Принципе Гидравлического Домкрата – как бы вы ни дергали за ручку, для данных координат результат неизменен. Я рано всему научился... а вы бы?..

Опиатчики Всех Стран, Соединяйтесь! Нам нечего терять, кроме Своих Барыг. А ОНИ НЕ НЕОБХОДИМЫ.

Взгляните вперед ВЗГЛЯНИТЕ ВПЕРЕД на этот джанковый путь, прежде чем ступить на него и связаться с Гнилем...

Кто поумней, поймет с полуслова.

Уильям С. Берроуз

Я чувю, меня обложили, чувю, как легавые зашевелились, взяв в оборот своих чертовых кукол-стукачей и воткнув в них иглы, как они колдуют над ложкой и пипеткой, которые я скинул на станции «Вашингтон-сквер», где перепрыгнул через турникет и, стремглав спустившись на два пролета вниз по железным ступеням, успел на поезд «А» в сторону жилых кварталов... Дверь для меня придерживает молодой красавчик, стриженный ежиком, типичный рекламный агент, окончивший университет «Лиги плюща», и при этом типичный педик. Видимо, я соответствую его представлению о сильной личности. Юнец из тех, что якшаются с барменами и таксистами, болтают с ними о боковых правой и «Доджерах» да зовут по имени буфетчика в «Недиксе». Засранец, короче. И тут на платформе появляется сыщик из отдела наркотиков – в белой теплой полушинели (представьте, что сидите у кого-то на хвосте, надев белую полушинель, – наверняка из кожи вон будете лезть, чтобы оставаться незамеченным, точно последний пидор). Я так и слышу, как он говорит, держа мои причиндалы в левой руке, правая – на револьвере: «Кажется, ты что-то обронил, приятель».

Но поезд подземки уже тронулся.

– Пока, ищейка! – ору я, разыгрывая перед педиком второразрядный спектакль – явно в его вкусе. Я смотрю педик в глаза, отмечаю белые зубы, флоридский загар, костюм из блестящей синтетики за двести долларов, рубашку от «Братьев Брукс» с пуговицами на воротнике, а в руке «Ньюз» в качестве реквизита. «Единственное, что я читаю, – это комиксы про малыша Абнера».

Каждый правильный молокосос корчит из себя человека с понятием... Болтает о «травке», изредка курит ее и носит немного с собой, чтобы угощать голливудских развратников.

– Спасибо, малыш, – говорю, – я гляжу, ты из нашенских.

Его лицо вспыхивает, окрашиваясь в цвета бильярда-автомата с дурацким розовым оттенком.

– Все-таки он меня выпас, – мрачно сказал я. (Примечание: на английском воровском жаргоне «выпасти» человека – значит на него донести.) Я придвинулся ближе и взялся своими грязными наркотскими пальцами за его блестящий рукав. – А ведь мы с ним кровные братья по общей грязной игле. Скажу по секрету, его ждет горячий укол. (Примечание: это капсула отравленного джанка, продаваемая наркоману с целью его ликвидации. Нередко достается доносчикам. Как правило, горячий укол – это стрихнин, поскольку по вкусу и виду он напоминает джанк.)

– Видал когда-нибудь, как действует горячий укол, малыш? Я-то видел, как в Филли на него наварлся Калека. Мы оснастили комнату односторонним зеркалом из борделя и брали за просмотр десятку. Игла так и осталась у него в руке. При достаточной дозе они никогда не вытаскивают. Так их и находят – из синей руки торчит полная свернувшейся крови пипетка. А его глаза, когда доза начала действовать, – вот это, малыш, было зрелище...

Помню, ездил я с Бдительным, лучшим вымогателем в отрасли. Было это в Чикаго... Мы обрабатывали педиков в Линкольн-парке. И вот как-то вечером Бдительный заявился на дело в ковбойских сапогах и черном жилете с громадной жестяной бляхой, да еще и лассо через плечо перекинул.

Я и говорю: «Что с тобой? Перебрал, что ли?»

А он смотрит на меня и отвечает: «Получи сполна, чужак», – и вытаскивает старый ржавый шестизарядник, и я даю ходу через весь Линкольн-парк, а вокруг свистят пули. А пока его не повязали легавые, он еще успел троих педиков повесить. Я к тому, что не зря Бдительный получил свою кличку...

Замечал когда-нибудь, сколько выражений мошенники переняли у гомиков? «У меня встал», к примеру, что должно означать: «мы с тобой заодно».

«Возбуди его!»

«Возбуди этого опиятчика! Охмури этого лоха!»

«Ну этот переусердствовал – сразу его облапал».

Как говорит Сапожник (это прозвище он получил, вытрясая деньги из фетишистов в обувных магазинах): «Впендюрь лоху любую лажу с хорошей смазкой, и он вернется канючить еще». А когда Сапожник засекает лоха, он начинает задыхаться. Щеки у него надуваются, а губы делаются лиловыми, как у эскимоса в жаркую погоду. При этом он очень медленно подбирается к жертве и ощупывает ее пальцами с протухшей эктоплазмой.

– Деревенщина так похож на невинного мальчика, словно светится изнутри голубым неон. Кажется, будто он сошел прямиком с обложки журнала «Сатердей ивнинг пост» вместе с вереницей болванов с рыбьими головами, а потом законсервировался в джанке. Обманутые им простакни никогда не скулят, а шулера – те и вовсе носят для Деревенщины шприц. Но в один прекрасный день «Голубой мальчик» от него ускользает, и наружу выползает то, от чего сблевал бы любой санитар «Скорой».

Вконец одурев, Деревенщина несется по опустевшим ресторанам-автоматам и станциям подземки с криком: «Вернись, малыш! Вернись!» – и бросается вслед за своим мальчиком прямо в Ист-ривер, вниз, мимо презервативов, апельсиновых корок и мозаики плавающих газет, вниз, в безмолвный черный ил с гангстерами в бетоне и пистолетами, расплюснутыми всмятку, чтобы не ощупывали их своими пальцами похотливые эксперты по баллистике.

А педик думает: «Вот это персонаж!! То-то я расскажу о нем ребятам в заведении «У Кларка». Этот коллекционер персонажей безропотно вытерпит подражание чайке в духе Джо Гулда, вот я и разыгрываю перед ним эту сцену за десять монет и назначаю встречу, чтобы продать ему немного «травки», как он ее называет, а сам думаю: «Спихну-ка я сопляку кошачью мяту». (Примечание: когда кошачья мята горит, она пахнет, как марихуана. Ее частенько подсовывают неосторожным или несведущим людям.)

– Ну что ж, – сказал я, легонько постучав себя по руке с внутренней стороны, – мне пора, долг службы. Как сказал один судья другому, будь справедлив, а не можешь быть справедливым, будь своеволен.

Я захожу в кафе-автомат, а там Билл Гейнз, закутавшийся в чужое пальто и похожий на страдающего парезом банкира 1910-х годов, и Старый Барт, жалкий и неприметный, макающий в кофе сдобный торт своими грязными пальцами, лоснящимися поверх грязи.

На окраине у меня было несколько клиентов, которыми занимался Билл, а Барт еще со времен курения опиума знал кое-какие древние мощи: призрачных дворников, серых, как пепел; иллюзорных привратников, подметающих пыльные коридоры слабой стариковской рукой, кашляющих и харкающих на предрассветных ломках; отошедших от дел, больных астмой скупщиков краденого в театрально-роскошных отелях; Розу Пантопон, старую мадам из Пеории; несгибаемых официантов-китайцев, вечно скрывающих свою болезнь. Барт терпеливо разыскивал их, осторожно двигаясь походкой старого джанки, а потом впрыскивал в их бескровные руки несколько часов тепла.

Однажды я забавы ради совершил такой обход вместе с ним. Известно вам, что в отношении еды старики теряют всяческий стыд и от одного их вида начинает тошнить? Старые наркоты так же ведут себя в отношении джанка. При виде него они повизгивают и что-то лопо-

чут. С подбородка у них свисает слюна, в желудке урчит, все внутренности скрипят в перистальтике, пока они второпях пытаются вмазаться, с трудом найдя подходящее место на теле, а вы ждете, что наружу вот-вот вывалится огромный сгусток протоплазмы и поглотит джанк. Подобное зрелище действительно внушает отвращение.

«Впрочем, когда-нибудь и мои мальчики станут такими, – философски рассудил я. – Все-таки жизнь – странная штука».

Но пора назад, в центр, в район станции «Шеридан-сквер» – ведь сыщик вполне может прятаться и в чулане.

Как я и говорил, долго это продолжаться не могло. Я знал, что легавые уже держат совет и занимаются своим зловещим колдовством, науськивая на меня стукачей в Ливенворте. «Нечего сажать его на иглу, Майк».

Я слышал, что Чапина они с помощью стукача и схватили. Старый сыщик-кастрат сидел себе в подвале полицейского участка, а к нему на круглые сутки и долгие годы приставил стукача. А когда Чапина повесили в Коннектикуте, этого старого ползучего гада нашли со сломанной шеей.

– Упал с лестницы, – сказали они. Вы же знаете, что за собачий бред несут эти гнусные копы.

Джанк окружен магией и связан с множеством табу, проклятий и амулетов. В Мехико я мог отыскать своего поставщика при помощи радара. «Нет, не эта улица, следующая, направо... теперь налево. Снова направо», – а вот и он: старушечье лицо с беззубым ртом и пустыми глазами.

Я знаю, что один барыга прогуливается неподалеку, мурлыча некий мотивчик, и все, мимо кого он проходит, этот мотивчик подхватывают. Этот тип такой серый, призрачный и безымянный, что люди его не видят и думают, будто мотивчик, который они принялись мурлыкать, возник у них в голове. Так вот, клиенты подхватывают «Улыбки», «Я расположен полюбить» или «Говорят, для любви мы еще молодые» или какую-нибудь другую песенку, выбранную на этот день. Подчас можно увидеть около пятидесяти унылого вида наркотов, сетующих на ломки и бегущих за парнем с губной гармоникой, а еще есть Человек, сидящий на плетеной скамейке и бросающий хлеб лебедям, толстый гомик-зануда, выгуливающий на Восточных Пятидесятых свою афганскую борзую, старый пьянчуга, ссуший у столба надземки, еврейский студент-радикал, раздающий листовки на Вашингтон-сквер, садовник, обрубая ветви деревьев, дезинсектор, рекламный агент-педик в «Недиксе», где он зовет буфетчика по имени. Всемирная сеть наркотов, подключенных к проводу из протухшей спермы, перетягивающих руки в меблированных комнатах и дрожащих на утренних ломках. (Солдаты Старого Питавдыхают черный дым в подсобке Китайской прачечной, а «Грустная детка» умирает от передозировки времени или внезапного отнятия дыхания.) В Йемене, Париже, Новом Орлеане, Мехико и Стамбуле, дрожа под отбойными молотками и землечерпалками, кляли друг друга наркотскими ругательствами, каких ни один из нас не слышал, а из проезжавшего мимо парового катка высунулся Человек, и я вырулил ведро гудрона. (Примечание: в Стамбуле многое сносят и перестраивают, особенно убогие джанковые кварталы. Героинщиков в Стамбуле больше, чем в Нью-Йорке.) Живые и мертвые, на ломках или в отрубе, подсевшие или соскочившие и снова подсевшие, приходят они, ориентируясь по джанковому лучу, а Поставщик жует китайское рагу на улице Долорес в Мехико, макает сдобный торт в кофе в кафе-автомате, и за ним с лаем гоняется на Толкучке свора Людей. (Примечание: на новоорлеанском жаргоне «Люди» – это легавые из отдела наркотиков.)

Старый китаец набирает в ржавую консервную банку речной воды и выплескивает ее вместе с сифилисом тяги, затвердевшим и черным, как шлак. (Примечание: сифилис тяги – это пепел от скуреного опиума.)

Короче, мои ложка и пипетка у легавых, и я знаю, что они вот-вот выйдут на мою частоту, ведомые слепым стукачом по прозвищу Уилли Диск. У Уилли круглый дисковидный рот, обрамленный чувствительными, способными напрягаться черными волосками. Он ослеп от уколов в глазное яблоко, нос и небо у него разъедены от вдыхания героина, все тело, сухое и твердое, как дерево, покрыто шрамами. Ныне он способен лишь пожирать это дерьмо своим ртом, а иногда выдвигает наружу длинную гибкую трубку эктоплазмы и, поводя ею по сторонам, нащупывает безмолвную частоту колебаний джанка. Он идет по моему следу через весь город – в квартиру, с которой я уже съехал, и легавые натываются на каких-нибудь новобранцев из Су-Фолс.

– Хорош, Ли!! Отстегивай искусственный болт! Мы знаем, кто ты такой, – и дергают мужа за хуй, отчего тот сразу кончает.

Тут уж Уилли распаляется, и можно услышать, как он хнычет там, в темноте (он действует только ночью), и почувствовать жуткую назойливость этого слепого ищущего рта. Когда они приходят кого-то вязать, Уилли совсем теряет самообладание, и его рот прогрызает в двери дыру. Не успокаивай его копы зондом для скота, он высасывал бы все соки из первого попавшегося наркота.

Я знал, да и все остальные знали, что на меня натравили Диска. И если в суде мои малыши-клиенты заявят: «Он заставляет меня заниматься всяким ужасным сексом в обмен на джанк», – мне останется лишь послать улице прощальный воздушный поцелуй.

Поэтому мы запасаемся героином, покупаем подержанный «Студебеккер» и отправляемся на Запад.

Бдительный закосил под шизофреника с синдромом одержимости:

– Я стоял отдельно от самого себя и пытался прекратить эти казни призрачными пальцами... Я – призрак, возжелавший тела – того, чего жаждет каждый призрак, Долгое Время блуждавший по ничем не пахнущим закоулкам пространства, где нет жизни, один лишь бесцветный незапах смерти... Невозможно дышать, ощущая этот запах сквозь розовые извилины хряща, отделанного кристаллическими соплями, дерьмом времени и черными кровяными фильтрами плоти.

Он стоял в удлиненной тени зала суда, с лицом, расцарапанным, как старая кинолента, от вождения и голода личиночных органов, шевелящихся в экспериментальной эктоплазменной плоти джанковых ломок (десять дней изоляции во время Первого слушания дела), плоти, которая исчезает при первом неслышном прикосновении джанка.

Я видел, как это происходит. Десять фунтов он потерял за десять минут, пока стоял со шприцем в одной руке, а другой поддерживал штаны, отрекшаяся от него плоть сгорела в холодном желтом сиянии – там, в номере нью-йоркского отеля... ночной столик, заваленный коробками из-под конфет, окурки, вывалившиеся из трех пепельниц, мозаика бессонных ночей и неожиданная потребность в еде, возникающая на ломках у наркомана, который выкармливает ребенка – собственную плоть.

Бдительный осужден Федеральным судом по закону Линча и кончает в федеральной психушке, предназначенной специально для содержания призраков: конкретное, прозаическое воздействие предметов... умывальник... дверь... унитаз... решетка... вот они, здесь... и это все... больше ничего... все связи оборваны... безысходность... и та же безысходность в каждом лице...

Поначалу физические изменения происходили медленно, затем резко ускорились и стали походить на мощные зловещие удары, повреждавшие и без того слабую ткань, стиравшие человеческие черты... В крошечной темноте его палаты рот и глаза стали одним органом, который он выпучивает, норовя кусаться прозрачными зубами... но ни один орган не имеет ни постоянной функции, ни постоянного местонахождения... повсеместно пускают ростки поло-

вые органы... открываются, опорожняются и вновь закрываются прямые кишки... при ежедневной адаптации меняются цвет и консистенция всего организма...

Из-за своих приступов, как он их называет, Деревенщина сделался всеобщей напастью. Им завладевал Лох Внутри, а такого неистовства никому не унять. Неподалеку от Филли он кидается проворачивать аферу с патрульной машиной, а легавые, взглянув на его лицо, вяжут всех нас.

Семьдесят два часа, и в одной камере с нами пятеро больных джанки. Тут уж, дабы не транжирить свои запасы на этих голодных кули, приходится маневрировать и выкладывать надзирателю золотишко – и вот мы уже в отдельной камере.

Предусмотрительные наркоты, известные как «белки», делают на случай ареста заначку. Принимая дозу, я каждый раз отправляю несколько капель в жилетный карман, подкладка становится жесткой от наркотической начинки. В башмаке у меня припрятана пластмассовая пипетка, а к ремню приколоты английская булавка. Да вы и сами знаете, как надо пользоваться булавкой и пипеткой: «Она схватила ржавую английскую булавку, всю в запекшейся крови, и проделала в ноге большую дыру, казалось, раскрывшуюся, точно непристойный гноящийся рот, ожидающий отвратительного свидания с пипеткой, которую она целиком погрузила в зияющую рану. Однако ей так не терпелось удовлетворить свою мерзкую потребность (голод насекомых в засушливых местах), что пипетка сломалась глубоко в плоти ее развороченного бедра (напоминавшего плакат с изображением эрозии почвы). Но ей-то что? Она даже не потрудилась вынуть разбитое стекло и лишь разглядывает свою окровавленную ляжку холодными, пустыми глазами мясника. Что ей до атомной бомбы, постельных клопов, помощи раковым больным? Кредитная касса того и гляди отберет у нее неоплаченную плоть... Сладких грез тебе, Роза Пантопон».

На самом-то деле нужно, сжав и оттянув кожу ноги, резко проделать в ней дырочку булавкой. Затем, держа пипетку *над* дырочкой, а *не внутри*, вы заливаете внутрь раствор – медленно и осторожно, чтобы он не разбрызгивался по сторонам... Когда я схватил Деревенщину за бедро, плоть подалась, как воск, и застыла, а из отверстия медленно вытекла капля гноя. Никогда я не прикасался к такому холодному живому телу, как у Деревенщины там, в Филли...

Я решил сбросить его с хвоста, пусть даже пришлось бы устроить вечеринку с удушением. (Это английский деревенский обычай, предназначенный для того, чтобы избавляться от старых, прикованных к постели иждивенцев. Терпящее подобные муки семейство устраивает «вечеринку с удушением», во время которой гости заваливают престарелую обузу матрасами, влезают на вершину этой кучи матрасов и напиваются вдрабадан.) Деревенщина – обуза для отрасли, его следует увести на задворки мира. (Это африканский обычай. Официально известен как «Многоточие»: стариков и старух по традиции уводят в джунгли и там бросают.)

Приступы Деревенщины становятся его обычным состоянием. При его появлении рычат полицейские, привратники, собаки, секретари. Белокурый Бог пал до низости неприкасаемых. Мошенники не меняются, они ломаются, разбиваются вдребезги – взрывы материи в холодном межзвездном пространстве, – уносятся прочь в космической пыли, оставляя пустые тела. Жулики всех стран, есть один лох, которого вам не обмануть, – Лох Внутри...

Я оставил Деревенщину стоять на углу: краснокирпичные трущобы до самого неба под непрерывным дождем копотят. «Пойду разыщу одного знакомого лепилу. Вернусь с настоящим, чистым аптечным морфием... Нет, ты жди здесь – не хочу, чтоб он тебя засек». Жди меня на том самом углу, Деревенщина, жди сколько влезет. Прощай, Деревенщина, прощай, малыш... Куда они уходят, бросая свои тела?

Чикаго: невидимая иерархия подвергнутых декортикации итальяшек, запах атрофированных гангстеров, в Норте и на Холстед-стрит, на Сисеро-авеню и в Линкольн-парке вас

настигает неупокоенный призрак – попрошайка снов, прошлое, вторгающееся в настоящее, прогорклая магия торговых автоматов и придорожных закусовых.

В глубь страны: громадный район новостроек, телевизионные антенны до бессмысленного неба. В жизненепроницаемых домах они угрожающе нависают над молодежью, понемногу впитывая то, что она отвергает. Только молодые придумывают что-то новое, да и они не слишком-то долго молоды. (За барами Восточного Сент-Луиса лежит мертвое пограничье, дни речных кораблей.) Иллинойс и Миссури, миазмы народов, возводивших могильные холмы, подхалимское поклонение Источнику Пищи, жестокие и безобразные празднества, от Маундвилья с его раскопками холмов до лунных пустынь перуанского побережья распространяется безысходный ужас, пробуждаемый Богом-Многоножкой.

Америка – не молодая страна: она старая, грязная и злая еще до поселенцев, до индейцев. Зло здесь, оно ждет.

И всюду копы: невозмутимые образованные копы штата, опытные, непременно извиняющиеся скороговоркой – электронные глаза оценивают вашу машину и багаж, лицо и одежду; рычащие сыщики большого города, вежливые провинциальные шерифы с чем-то зловещим и грозным в стариковских глазах цвета линялой серой фланелевой рубахи...

И вечные хлопоты с машиной: в Сент-Луисе обменяли «Студебеккер» 1942 года (у него неустранимый технический дефект, как у Деревенщины) на старый лимузин «Паккард», перегревшийся так, что еле добрались до Канзас-Сити, купили «Форд», оказавшийся прожигателем топлива, сбавили и его, взяли джип, который тяжело толкать (они не годятся для езды по шоссе), что-то внутри сожгли, немного погромыхали на нем и вновь пересели на старенький «Форд V-8». Не стану пенять на мотор – доехали ведь, жжет он топливо или нет.

А вокруг нас чисто американская скучища, тоска зеленая, с которой не сравнится никакая другая тоска на свете, все тут мрачнее, чем Анды, высокогорные городишки, холодный ветер с открыточных гор, разреженный воздух, точно смерть в глотке, речные городки Эквадора, малярия, серая, как джанк под черным стетсоном, заряжающиеся через дуло дробовики, грифы, клюющие что-то на грязных улицах, – и то, что поражает, когда вы сходите с парома в Мальме (на пароме не взимают налог за горючее), Швеция, заставляет напрочь позабыть обо всем этом дешевом безналоговом горючем и приводит в полное уныние: люди отводят глаза, а кладбище находится в центре города (похоже, каждый город в Швеции построен вокруг кладбища), и днем нечего делать, ни бара, ни кино, и я взорвал свой последний косяк танжерской травы и сказал: «Давай-ка вернемся на паром, К. Е.».

Но нигде нет такой тоски, как в Америке. Вы не можете постичь ее, не можете взять в толк, откуда она исходит. Вот, к примеру, коктейль-бар в конце одной из улиц в районе новостроек – в каждом квартале есть бар и аптека, магазин и винная лавка. Вы входите, и она охватывает вас. Но откуда она берется?

Ни бармен, ни посетители, ни кремового цвета пластик, окаймляющий высокие сиденья у стойки, ни тусклый неоновый свет здесь ни при чем. Ни при чем даже телевизор.

И эта тоска формирует наши привычки подобно тому, как кокаин формирует ваши стремления еще до начала депрессии на выходняке. А запас джанка уже подходил к концу. И вот мы здесь, в этом безлошадном городишке, строго под микстурой от кашля. И блевали микстурой, и ехали все дальше, холодный весенний ветер со свистом продувал старую колымагу, обдувал наши дрожавшие на ломках, потные тела, и озноб, неизменно возникающий, когда кончается действие джанка... Дальше, через голую местность, мимо дохлых броненосцев на дороге, грифов над болотом и кипарисовых пней. Мотели со стенами из фибрового картона, газовым обогревателем, тонкими розовыми одеялами.

Заезжие наркоты – пройдохи и подлизы – уже успели выпотрошить всех тexasских лепил...

А к луизианскому лепиле ни один нормальный человек и близко не подойдет. Противоджанковый закон штата.

Наконец приехали в Хьюстон, где у меня есть знакомый аптекарь. Я не был там пять лет, но он поднимает голову, сразу меня узнает, кивает и говорит:

– Подожди за стойкой...

Короче, сажусь я и выпиваю чашечку кофе, а немного погодя он подходит, садится рядом и спрашивает:

– Что тебе нужно?

– Кварту настойки и сотню немби.

Он кивает:

– Приходи через полчаса.

А когда я возвращаюсь, он вручает мне пакет и говорит:

– Здесь на пятнадцать долларов... Будь осторожен.

Укол опийной настойки – жуткая морoka: сначала нужно выжечь спирт, потом выморозить камфару и выбрать эту бурую жидкость пипеткой – колоть ее надо только в вену, иначе вы получите абсцесс, а обычно абсцессом и кончается, куда бы вы ни вмазались. Лучше всего – выпить ее с чумовыми колесами нембутала... Поэтому мы наливаем ее в бутылку из-под «Перно» и отправляемся в Новый Орлеан – мимо радужных озер и оранжевых вспышек газового пламени, болот и мусорных куч, аллигаторов, ползающих среди разбитых бутылок и консервных банок, неоновых арабесок мотелей, сутенеров, высаженных на необитаемых помойных островах и поливающих непристойной бранью проезжающие машины.

Новый Орлеан – это мертвый музей. Благоухая настойкой, мы заходим на Толкучку и тут же находим Человека. Район небольшой, и легавые всегда знают, кто там торгует, поэтому он считает, что это ни черта не имеет значения, и продает всем. Мы запасаемся героином и сваливаем в Мексику.

Снова через Лейк-Чарльз и район мертвых торговых автоматов; южная граница Техаса, шерифы – убийцы ниггеров внимательно разглядывают нас и проверяют документы на машину. Что-то обрывается внутри, когда вы пересекаете мексиканскую границу, и вдруг вас поражает пейзаж: вас уже ничто не связывает ни с пустыней, ни с горами, ни с грифами – кружащими в небе пятнышками, хотя некоторые так близко, что слышно, как крылья рассекают воздух (сухой, хриплый звук), а что-то заприметив, они всем скопом покидают голубое небо, это гибельное, беспощадное голубое небо Мексики, и – черной воронкой вниз... Ехали всю ночь, на рассвете оказались в каком-то теплом туманном городишке: лай собак и журчание воды.

– «Томас и Чарли», – сказал я.

– Что?

– Так называется этот игрушечный городок. Уровень моря. Отсюда нам еще десять тысяч футов вверх карабкаться. – Я принял дозу и улегся спать на заднее сиденье. Машину она вела хорошо. Это видно сразу, стоит кому-нибудь взяться за руль.

Мехико, где Лупита сидит, точно ацтекская Богиня Земли, скупно выдавая свои пакетики с паршивым дерьмом.

– К продаже привыкаешь сильнее, чем к употреблению, – говорит Лупита.

Барыги, не употребляющие наркоту, приобретают пристрастие к контакту, а оно неизлечимо. Агенты – тоже не исключение. Взять хотя бы Скупщика Брэдли. Лучший в отрасли агент отдела наркотиков. Любой человек запросто приспособил бы его к джанку. (Примечание: приспособить – в смысле попросить проверить качество или количество.) То есть он может подойти к барыге и тут же заполучить наркоту. Он такой безымянный, серый и призрачный, что барыге его нипочем не запомнить, вот он и охмуряет одного за другим...

Короче, Скупщик становится все больше и больше похожим на джанки. Он не может пить. У него уже не стоит. У него выпадают зубы. (Подобно тому как беременные женщины теряют зубы, вскармливая незнакомца, джанки теряют свои желтые клыки, вскармливая обезьяну.) Он вечно сосет леденец на палочке. Особенно любит «Бэби Рутс».

– Противно смотреть, как Скупщик сосет свои мерзкие леденцы, просто противно, – говорит один коп.

Скупщик окрашивается в зловещий серо-зеленый цвет. Его организм явно вырабатывает собственный джанк или его эквивалент. У Скупщика есть постоянный поставщик. Можно сказать, Человек Внутри. Во всяком случае, так он думает.

– Больше не выйду из комнаты, – говорит он. – Ебал я их всех. Сплошные ничтожества – что те, что эти. Единственный совершенный человек в отрасли – это я.

Но тут по его костям чудовищным ураганом проносится страшная тяга. Тогда Скупщик отлавливает молодого джанки и для начала дает ему пакетик.

– Годится, – говорит паренек. – А тебе-то чего надо?

– Мне бы только потереться об тебя, вот и вся моя раскумарка.

– Гм... Ладно, так и быть... Раз уж ты не можешь по-мужски возбудиться...

Потом паренек сидит с двумя коллегами в «Уолдорфе» и макает сдобный торт в кофе.

– Ничего более отвратного мне в жизни терпеть не приходилось, – говорит он. – Он почему-то делается весь мягкий, точно кусок студня, и мерзко так меня обволакивает. Потом становится мокрый – весь в какой-то зеленой слизи. Оргазм у него такой жуткий, что ли... Я чуть не очумел от этой зеленой дряни, уже весь в ней вымазался, а он вдобавок воняет, точно гнилая дыня.

– Да ладно, считай, еще задешево раскумарился.

Паренек смиренно вздохнул:

– Да, наверно, ко всему можно привыкнуть. Завтра я опять с ним встречаюсь.

Пристрастие Скупщика становится все опаснее. Каждые полчаса ему требуется подзарядка. Иногда он обходит полицейские участки и подкупает надзирателя, чтобы попасть в камеру к наркотам. Дело идет к тому, что для удовлетворения ему не будет хватать никакого количества контактов. И тут его вызывает Окружной Инспектор:

– Брэдли, ваше поведение дает повод для слухов – а я надеюсь, ради вашего же блага, что это слухи и есть, – столь невыразимо неприятных, что... Я хочу сказать, что жена Цезаря... гм... что наш Отдел должен быть вне всяких подозрений... и уж конечно, вне таких подозрений, каковые вы, кажется, вызвали. Вы ухудшаете общую моральную обстановку в отрасли. Мы готовы немедленно принять вашу отставку.

Скупщик бросается на пол и подползает к ОИ:

– Нет, хозяин, нет... Без работы в Отделе я просто не выживу.

Он целует руку ОИ, запихивая его пальцы себе в рот (ОИ должен нащупать его беззубые десны) и сетуя, что потерял зубы «на шлушбе».

– Прошу вас, хозяин! Я буду подтирать вам задницу, буду стирать ваши грязные презервативы, буду чистить вам обувь жидкой смазкой со своего носа...

– Право же, это крайне неприятно! У вас что, совсем нет чувства гордости? Должен сказать, что все это определенно вызывает у меня отвращение. Я имею в виду, что в вас есть нечто... э-э... гнилое, да и пахнете вы, как куча компоста. – Он прижимает к лицу надушенный платок. – Я вынужден просить вас немедленно покинуть кабинет.

– Я все сделаю, хозяин, все! – Мерзкая улыбка раскалывает пополам его истасканное зеленое лицо. – Я еще молод, хозяин, и очень силен, когда распаляюсь.

ОИ срыгивает в платок и слабой рукой указывает на дверь. Скупщик встает, мечтательно глядя на ОИ. Его тело начинает сгибаться, как пруттик лозоходца. Он плавно валится вперед...

– Нет! Нет! – кричит ОИ.

«Хлюп... хлюп-хлюп».

Час спустя Скупщика находят отключившимся в кресле ОИ. Сам ОИ бесследно исчез.

Судья:

– Все указывает на то, что вы неким необъяснимым образом... э-э... ассимилировали Окружного Инспектора. К сожалению, доказательств нет. Я бы рекомендовал заключить – вернее сказать, поместить вас в какое-нибудь учреждение, но не знаю места, подходящего для человека вашего калибра. Сам того не желая, я должен распорядиться, чтобы вас освободили.

– Да его надо держать в аквариуме, – говорит охранник.

Скупщик наводит ужас на всю отрасль. Исчезают наркоты и агенты. Словно летучая мышь-вампир, он испускает наркотические миазмы, влажный зеленый туман, который обезболивает его жертвы и делает их беспомощными в его всеохватывающем присутствии. А добившись своего, он несколько дней прячется от всех, словно обожравшийся боа-констриктор. В конце концов его застали за перевариванием офицера, дежурного по Отделу наркотиков, и уничтожили огнеметом – следственная комиссия сочла подобное средство оправданным, поскольку Скупщик как человек лишился всех прав, а значит, превратился в существо, не принадлежащее ни к одному биологическому виду и представляющее собой угрозу для наркотической отрасли на всех уровнях.

В Мексике весь фокус в том, чтобы отыскать местного джанки с рецептом, заверенным властями, по которому можно получать определенное количество каждый месяц. Нашим Человеком был Старый Айк, большую часть жизни проживший в Штатах.

– Ездил я с Айрин Келли, развеселая была бабенка. В Бьюте, штат Монтания, у нее от коки белая горячка началась, вот она и давай носиться по гостинице и орать, что за ней гонятся китайские легавые с мясными топориками. В Чикаго я знал одного легавого, так тот обычно нюхал коку в виде кристалликов, голубых таких кристалликов. Короче, одурел он, значит, как-то раз и как заорет, что его преследуют федералы, а потом бежит в переулочек и сует голову в мусорный бак. Я и говорю: «С чего это ты?» – а он мне: «Убирайся, а не то пристрелю. Я запрятался лучше некуда».

Тем временем мы получаем по рецепту немного кокаина. Гони его по вене, сынок. Уколовшись, ты чувствуешь его запах, чистоту и прохладу в носу и в горле, потом приход – чистое наслаждение прямо в мозгу, где загораются лампочки кокаиновых гирлянд. В голове – треск белых взрывов. Через десять минут ты захочешь вмазаться еще разок... в поисках новой дозы ты обойдешь весь город. Но если не сумеешь раздобыть кокаина, ты поешь, ляжешь спать и забудешь о нем.

Это тяга одного только мозга, потребность без чувства и тела, потребность не упокоенного призрака, протухшая эктоплазма, выметаемая старым джанки, кашляющим и харкающим на утренних ломках.

Однажды утром вы просыпаетесь, принимаете спидбол и чувствуете мурашки по коже. Черноусые копы 1890-х годов загораживают двери и лезут в окна, злобно рыча и сверкая синими рельефными кокардами. По комнате маршируют с мусульманской Похоронной песней наркоты, несущие тело Билла Гейнза; неярким голубым огнем светятся стигматы его ран, нанесенных иглой. Целеустремленные шизофреники-детективы обнюхивают ваш ночной горшок.

Это белая горячка от коки... Сядьте, успокойтесь и вколите себе побольше все того же морфия казенного образца.

День Мертвецов: меня пробило на жор, и я съел сахарный череп моего маленького Уилли. Он заплакал, и мне пришлось идти еще за одним. Прошел мимо коктейль-бара, где кляли на чем свет стоит хай-лайнного букмекера.

В Куэрनावеке (или это был Таско?) Джейн встречает одного сутенера-тромбониста и исчезает в клубах марихуанного дыма. Сутенер принадлежит к числу сторонников диеты, богатой положительными флюидами, и потому уродует женский пол, вынуждая своих телок глотать все это дерьмо. Он непрерывно развивал свои теории... а частенько устраивал одной из телок форменный экзамен и грозил объявить забастовку, если та не выучит наизусть каждый нюанс его новых нападок на логику и человеческий облик.

– Так вот, детка, я должен кое-что тебе поведать. Но если ты этого не воспримешь, я уже ничем помочь не смогу.

Курение «чайка» он превратил в ритуал, а по отношению к джанку, как и некоторые другие чаевники, был истым пуританином. По его утверждению, чаек позволял ему входить в контакт с голубыми сверхгравитационными полями. Он имел собственное мнение обо всем на свете: какое нижнее белье полезно для здоровья, когда пить воду и как подтирать задницу. У него было лоснящееся красное лицо с широким приплюснутым носом и маленькими красными глазками, загоравшимися, когда он смотрел на какую-нибудь телку, и гаснувшими при взгляде на все остальное. Его широченные плечи производили впечатление физического недостатка. Он вел себя так, будто других мужчин не существует, а в ресторанах и магазинах передавал заказы мужскому персоналу через посредницу. И ни один Мужчина никогда не вторгался в его унылое тайное жилище.

Короче, он отвергает джанк и тащится от травы. Я сделал три затяжки, Джейн взглянула на него, и ее плоть кристаллизовалась. Я вскочил и с криком «мне страшно!» выбежал из дома. Выпил пива в маленьком ресторанчике – бар, украшенный мозаикой, футбольные результаты и афиши боя быков – и дождался автобуса в город.

Через год, в Танжере, я узнал, что она умерла.

БЕНВЕЙ

Короче, мне поручили нанять доктора Бенвея на службу в «Ислам инкорпорейтед».

Доктор Бенвей был приглашен в качестве советника в Республику Свободию – место, где все предаются свободной любви и непрерывным купаниям. Граждане там умиротворены, едины, честны, терпимы, а главное – чисты. Однако обращение к Бенвею за консультацией говорит о том, что за этим гигиеничным фасадом не все гладко: Бенвей – манипулятор и координатор знаковых систем, а также специалист по допросам всех степеней, промывке мозгов и контролю. Я не виделся с Бенвеем после его скоропалительного отъезда из Аннексии, где ему было поручено осуществить ТД – Тотальную Деморализацию. Первым шагом Бенвея стало запрещение концентрационных лагерей, массовых арестов и, кроме как при неких исключительных, особых обстоятельствах, применения пыток.

«Я против жестокости, – говорил он. – Она неэффективна. А вот продолжительное дурное обращение почти без насилия вызывает, при умелом его применении, тревогу и чувство определенной вины. Необходимо помнить некоторые правила, вернее сказать, руководящие принципы. Объект не должен сознавать, что упомянутое дурное обращение является тщательно спланированным нападением некоего немилосердного противника на его подлинную личность. Его надо заставить почувствовать, что при любом обращении он получает по заслугам, поскольку способен на некий (это никогда не уточняется) ужасно безнравственный поступок. Голую потребность контроломанов следует скромно скрывать за ширмой капризной, запутанной бюрократии, причем так, чтобы исключить непосредственный контакт объекта с противником».

Каждому гражданину Аннексии было предписано получить и всегда носить с собой портфель, битком набитый документами. Граждан могли останавливать на улице в любое время, и Контролер – в штатском, в различной форменной одежде, нередко в купальном костюме или пижаме, а то и совершенно голый, если не считать бляхи, приколотой к левому соску, – проверив каждую бумагу, ставил на ней печать. При последующей проверке гражданин должен был предъявить должным образом проставленные печати предыдущей проверки. Остановив большую группу, Контролер проверял и проштамповывал документы лишь у некоторых. Остальных подвергали аресту за то, что их документы не были должным образом проштампованы. Арест представлял собой «временное задержание», то есть арестованного должны были освободить, «если и когда» его Объяснительная Записка, должным образом подписанная и проштампованная, будет заверена Помощником Арбитра по Объяснительным. Ввиду того, что этот чиновник почти никогда не бывал в своем кабинете, а Объяснительную Записку следовало представить ему лично, объяснявшиеся целыми неделями, а то и месяцами, томились в ожидании в неотопливаемых конторах, без стульев и туалета.

Выданные документы были написаны исчезающими чернилами и постепенно превращались в просроченные закладные. Постоянно требовались новые документы. В безумной попытке уложиться в нереальные предельные сроки граждане сломя голову носились из одного бюро в другое.

В городе убрали все скамейки, отключили все фонтаны, уничтожили все цветы и деревья. Раз в четверть часа на крыше каждого многоквартирного дома (в таких домах жили все) включались оглушительно громкие сирены. От вибрации люди нередко падали с кроватей. Всю ночь по городу шарили лучи прожекторов (никому не разрешалось пользоваться шторами, занавесками, жалюзи или ставнями).

Никто никогда ни на кого не смотрел из-за строгого запрещения домогательств, подкрепленных словесно или нет, по отношению к кому бы то ни было, с какой бы то ни было целью – как сексуальной, так и любой другой. Были закрыты все бары и кафе. Спиртное можно было

приобрести только по специальному разрешению, а приобретенное таким образом спиртное нельзя было ни продавать, ни отдавать бесплатно, ни каким-либо способом передавать никому другому, и присутствие другого лица в помещении расценивалось как достаточное доказательство передачи спиртного.

Никому не разрешалось запира́ть двери, а у полицейских имелись ключи, подходившие ко всем замкам в городе. В сопровождении экстрасенса они врываются в чью-нибудь квартиру и принимались за «поиски улик».

Экстрасенс обнаруживал для них все, что человек хотел спрятать: тюбик вазелина, клизму, носовой платок, испачканный спермой, оружие, незаконно приобретенный алкоголь. При этом они всегда заставляли подозреваемого раздеться догола и подвергали его крайне унижительному личному обыску, по поводу чего делали глумливые, оскорбительные замечания. Многих латентных гомосексуалистов увели из дома в смиренной рубашке после того, как они смазали задницу вазелином. Впрочем, придрататься к хозяину могли при виде любого предмета. Перочистки или распорки для обуви.

– А это еще что такое?

– Перочистка.

– Он говорит, перочистка.

– Я уже слышал все, что хотел.

– Похоже, больше ничего нам не нужно. Эй ты, пойдешь с нами!

По прошествии нескольких таких месяцев обыватели начали жаться по углам, точно запуганные коты.

Разумеется, полиция Аннексии возбуждала дела против людей, подозреваемых в том, что они агенты, саботажники или инакомыслящие, – на конвейерной основе. Что касается допроса подозреваемых, то Бенвей говорит так:

«Хотя применения пыток я, как правило, избегаю – пытка конкретизирует положение оппонента и мобилизует сопротивление, – угроза пытки помогает вызывать у объекта должное чувство беспомощности и благодарности следователю за ее неприменение. А применять пытки полезно в качестве наказания, когда объект уже настолько поддается обработке, что считает наказание заслуженным. С этой целью я разработал несколько методов применения дисциплинарных мер. Один из них назывался «Коммутатор». К зубам объекта прижаты электрические сверла, которые могут включиться в любой момент; а его обучают работе с капризным коммутатором – учат вставлять определенные провода в определенные гнезда, реагируя на звонки и зажженные лампочки. Каждый раз, как он ошибается, сверла включаются на двадцать секунд. Эти сигналы подаются с нарастающей скоростью, постепенно выходящей за пределы его реакции. Полчаса у коммутатора – и объект ломается, как перегруженный электронный мозг.

Изучение «мыслящих машин» помогает нам разобраться в работе головного мозга лучше, чем интроспективные методы. Человек Запада приобретает черты новейших электронных устройств. Гнали когда-нибудь коку по вене? Она действует прямо на мозг, активизируя связи чистого наслаждения. Наслаждение от морфия – во внутренностях. После укола вы прислушиваетесь к самому себе. А кокаин – это электрический ток, пропущенный через мозг, и тяга к кокаину – чисто мозговая, потребность без тела и чувства. Мозг, заряженный кокаином, – это обезумевший бильярд-автомат, сверкающий голубыми и розовыми огнями в электрическом оргазме. Мыслящая машина, в которой только начинает копошиться жизнь омерзительного насекомого, вполне способна испытывать наслаждение от кокаина. Жажда кокаина проходит всего через несколько часов, когда прекращается стимулирование кокаиновых каналов. Разумеется, кокаиновый эффект можно вызвать, активируя кокаиновые каналы электрическим током...

Так что очень скоро эти каналы изнашиваются, как вены, и наркоману приходится искать новые. Вена со временем снова появится, и при ловком чередовании вен джанки, если только

он не становится прожигателем топлива, может не замечать потери. Однако мозговые клетки, исчезнув, уже не восстанавливаются, а когда наркоман лишается клеток мозга, жизнь его превращается в жуткую поебень.

Старики, сидящие на корточках, экскременты и ржавое железо в белом мареве жары, и до самого горизонта простирается панорама сплошь из голых идиотов. Полная тишина – речевые центры у них уничтожены, – лишь потрескивание искр да хруст опаленной плоти, когда они прикладывают электроды к спинному хребту. В неподвижном воздухе повис белый дым от горящей плоти. Группа детей привязала одного идиота колючей проволокой к столбу, развела у него между ног костер и со звериным любопытством наблюдает, как пламя лижет его бедра. Его тело, охваченное огнем, подергивается, как насекомое в агонии.

Как обычно, я отклоняюсь от темы. Вплоть до получения более точных сведений об электронике головного мозга главным инструментом следователя при атаке на подлинную личность объекта остаются наркотики. Барбитураты, разумеется, фактически бесполезны. То есть каждый, кого можно сломить подобным способом, не выдержал бы и тех детских методов, которые применяются в любом американском полицейском участке. При постепенно слабеющем сопротивлении нередко эффективен скополамин, однако он ухудшает память: агент может быть готов выдать свои секреты, но совершенно не в состоянии их вспомнить, при этом «легенда» и сведения о тайной жизни могут быть окончательно перепутаны. Во многих случаях добиться успеха позволяют мескалин, хармалин, ЛСД-6, буфотенин, мускарин. Балбокапнин вызывает состояние, близкое к шизофренической кататонии... наблюдались случаи автоматического повиновения. Балбокапнин – это депрессант, действующий на затылочные доли мозга и, возможно, выводящий из строя двигательные центры в гипоталамусе. Другие препараты, вызывавшие шизофрению на стадии эксперимента, – мескалин, хармалин, ЛСД-6, – являются стимуляторами затылочных долей мозга. При шизофрении затылочные доли стимулируются и угнетаются попеременно. За кататонией нередко следует период возбуждения и двигательной активности, в течение которого псих носится по больничным палатам, доставляя всем массу хлопот. Бездарные шизики иногда полностью отказываются от движения и всю жизнь проводят в постели. «Причиной» шизофрении (причинное мышление не позволяет точно описывать процесс обмена веществ – недостатки существующего языка) считается нарушение регулирующей функции гипоталамуса. Автоматическое повиновение лучше всего достигается путем чередования доз ЛСД-6 и балбокапнина, причем балбокапнину придает силу кураре.

Существуют и другие приемы. Объекта можно довести до глубокой депрессии, вводя большие дозы бензедрина в течение нескольких дней. Психоз можно вызывать непрерывным введением больших доз кокаина или демерола либо резким отнятием барбитуратов после продолжительного приема. Можно вызвать привыкание к дигидрооксигероину и резко отменить прием препарата (это соединение вызывает привыкание в пять раз быстрее и сильнее, чем героин, и отнятие переносится во столько же раз тяжелее).

Есть различные «психологические методы» – например, принудительный психоанализ. Ежедневно в течение часа объект должен высказываться по спонтанной ассоциации с каким-либо словом (в тех случаях, когда время не ограничено). «Ну-ну, давай не будем упираться, малыш. А не то папочка позовет злого человека. Возьми-ка маленький переносной коммутатор».

Случай с агентессой, которая забыла собственную подлинную личность и стала жить по легенде – она до сих пор работает поварихой в Аннексии, совершенно не умея готовить, – натолкнул меня на другую мысль. Агента учат отказываться от своей агентской личности и отстаивать легенду. Так почему бы не согласиться с ним, применив прием психологического джиу-джитсу? Предположить, что легенда и есть его настоящая личность, и другой у него нет. Личность агента прячется в подсознании, то есть выходит из-под его контроля, и докопаться до нее можно при помощи наркотиков и гипноза. Такой подход позволяет превратить добро-

порядочного гетеросексуального обывателя в гомика... то есть укрепляя и поддерживая в нем неприятие обычно скрываемых гомосексуальных позывов, лишить его в то же время доступа к пизде и подвергнуть гомосексуальной стимуляции. Потом наркотики, гипноз, и...», – Бенвей изобразил типичного гомика.

«Многие объекты страдают от сексуального унижения. Это нагота, стимуляция половыми возбудителями, постоянный надзор, смущающий объекта и предотвращающий облегчение от мастурбации (от эрекции во сне автоматически включается ужасная электровибрационная сирена, которая выбрасывает объекта из постели в холодную воду, сводя таким образом к минимуму вероятность «влажных снов»). Масса удовольствия – загипнотизировать священника и внушить ему, что пора осуществить ипостасные отношения с Агнцем, а потом направить ему в жопу какого-нибудь похотливого старого барана. После этого Следователь сможет добиться полного гипнотического контроля: объект будет кончать по его свистку и срать на пол, стоит лишь сказать «сезам, откройся». Нечего и говорить, что откровенным гомосексуалистам метод сексуального унижения противопоказан. (Кстати, здесь надо быть начеку и не забывать об общей телефонной линии... никогда не знаешь, кто подслушивает.) Помню одного малыша, так я довел его до такого состояния, что он обсирался при виде меня. Потом я мыл ему жопу и дрючил его. Это было очень приятно. К тому же красавчик он был что надо. А иногда объект плачет, как мальчишка, потому что не в силах удержаться от эякуляции, когда вы его дрючите. Короче, нетрудно понять, что возможности неисчислимы, как извилистые тропинки в большом прекрасном саду. Но стоило мне сделать первые шаги в поисках решения этой мнящей проблемы, как я попал под чистку, устроенную партийными занудами... Ну что ж, *son cosas de la vida*».

Я добираюсь до Свободии, а она – боже мой! – чиста и уныла. Бенвей заведует ВЦ, Восстановительным Центром. Я захожу, и сразу после «как поживает такой-то?» – начинается:

– Сиди Идрисс «Стукач» Смизерс обо всем напел сендерам за сыворотку долголетия. Старого гомика могила исправит.

– Лестер Строгановф Смуун – «Эль Хассейн» – заделался латахом и пытается усовершенствовать ПАП, Процесс Автоматического Повиновения. Мученик отрасли...

(Латах – это человек, впавший в состояние, характерное для некоторых жителей Юго-Восточной Азии. Нормальные во всех других отношениях, латахи вынуждены копировать каждый жест, как только их внимание привлекают щелчком пальцев или резким окликом. Один из видов принудительно-непроизвольного гипноза. Иногда они получают травмы, пытаясь подражать движениям сразу нескольких людей.)

– Остановите меня, если услышите секрет атомной бомбы...

Лицо Бенвея сохраняет свои черты в фотовспышке настойчивости, ежесекундно подвергаясь неопишуемому расщеплению или метаморфозе. Оно мерцает, как фильм, то теряющий, то вновь обретающий резкость изображения.

– Идемте, – говорит Бенвей, – я покажу вам ВЦ.

Мы идем по длинному белому коридору. Голос Бенвея wpłyвает в мое сознание из какого-то неопределенного места... бестелесный голос, то громкий и ясный, то еле слышный, как музыка в конце продуваемой ветром улицы.

– Изолированные группы, вроде туземцев архипелага Бисмарка. У них нет явного гомосексуализма. Треклятый матриархат. При матриархате всюду царят антигомосексуализм, конформизм и адская скука. Окажетесь где-нибудь при матриархате, идите, но не бегите, к ближайшей границе. Стоит побежать, и вас наверняка пристрелит какой-нибудь отчаявшийся латентный гомик из полиции. Значит, кто-то хочет приготовить плацдарм для наступления гомогенности на такой хаос возможностей, как Западная Европа и США? Еще один ебучий матриархат, что бы ни утверждала Маргарет Мид... Вон там вышла небольшая неприятность.

Бой на скальпелях с коллегой в операционной. А моя ассистентка-бабуин набросилась на пациента и разорвала его в клочья. В потасовке бабуины всегда нападают на слабейшую сторону. И они совершенно правы. Нам не следует забывать наших славных обезьяньих традиций. Противником моим был Док Браубек. Бывший спец по подпольным абортам и толкач джанка (вообще-то он был ветеринаром), вновь призванный на службу во время нехватки рабочей силы. Так вот, Док все утро проторчал на больничной кухне, где лапал сестер и заправлялся угольным газом с «климом», а перед самой операцией, дабы набраться храбрости, глотнул двойную дозу мускатного ореха.

(В Англии, а главным образом в Эдинбурге, обыватели барботируют каменноугольный газ в «климе» – жуткой разновидности порошкового молока вкуса тухлой извести, – а потом тащатся от того, что получается в результате. Чтобы оплатить счет за газ, они закладывают все подряд, а если приходит человек отключить газ за неуплату, их воплями оглашается вся округа. Когда кого-то из тамошних жителей ломает от потребности в этом веществе, он говорит: «Я спекся» или «Эта старая печь мне на спину лезет».)

Мускатный орех. Цитирую статью данного автора о наркотических средствах в «Бритиш джорнал оф аддикшн» (см. Приложение): «Заклученные и матросы иногда употребляют мускатный орех. Проглатывается примерно столовая ложка и запивается водой. Результаты смутно напоминают марихуану с побочными эффектами в виде головной боли и тошноты. Среди индейцев Южной Америки в ходу некоторые наркотики семейства мускатных орехов. Их обычно употребляют, вдыхая через нос сухой порошок из растения. Шаманы принимают эти ядовитые вещества и впадают в конвульсии. Считается, что их судороги и бормотания имеют пророческий смысл».)

– Лично я страдал похмельем от яхе и просто не мог принять ничего из браубекского дерьма. А он как налетит на меня и давай твердить, что разрез я должен делать не спереди, а сзади, после чего и вовсе понес околесицу: мол, обязательно надо удалить желчный пузырь, а не то провоняет мясо. Решил, что потрошит курицу на ферме. Я велел ему пойти и снова сунуть голову в духовку, тогда он имел наглость нажать мне на руку и перерезал пациенту бедренную артерию. Кровь хлынула струей и ослепила анестезиолога, который с воплями бросился бежать по коридорам. Браубек попытался ударить меня коленом в пах, а мне удалось подрезать ему подколенное сухожилие скальпелем. Он ползал по полу и наносил мне удары по ногам. Вайолет, моя ассистентка-бабуин, – единственная женщина, на которую мне было не совсем наплевать, – очумела вконец. Я уже влез на стол, изготовился прыгнуть на Браубека обеими ногами и затоптать его, но тут ворвались копы.

В общем, эта драка в операционной, «это неопишное происшествие», как назвал его старший офицер, стало, можно сказать, последней каплей. Приближалась стая волков-убийц. Распятие на кресте – иначе это не назовешь. Разумеется, и я порой совершал кое-какие *dumheits*. А кто без греха? Как-то мы с анестезиологом выпили весь эфир, а больной нас застучал, к тому же меня обвинили в том, что я разбавляю кокаин средством для чистки унитазов. Вообще-то это делала Вайолет. Пришлось, конечно, ее выгораживать.

Кончилось тем, что всех нас с позором изгнали из отрасли. Конечно, Вайолет не была настоящей лепилой, как, впрочем, и Браубек, по правде говоря. Мало того – даже мой диплом поставили под сомнение. И все же Вайолет разбиралась в медицине лучше, чем вся Клиника Майо. Она обладала необыкновенной интуицией и высоким чувством долга.

Короче, выставили меня коленом под зад, да еще и без диплома оставили. Стоило ли заняться другим ремеслом? Нет. Врачевание было у меня в крови. Я смог продолжить привычное занятие – стал делать дешевые аборты в туалетах подземки. Опустился настолько, что начал прилюдно приставать к беременным женщинам на улицах. Безусловно, это было неэтично. Потом я встретил замечательного парня – Хуана Плаценту, Магната Детского Места. Сколотил свое состояние на выпоротках во время войны. (Выпоротки – это недоношенные детеныши

животных, извлеченные из утробы самки вместе с детским местом и бактериями, причем, как правило, в антисанитарных и неподходящих условиях. Детеныша нельзя продать в качестве пищи, если ему не исполнилось шести недель. До этого момента он официально считается выпоротком. За нелегальную торговлю выпоротками полагается строгое наказание.) В общем, Хуанито контролировал целую флотилию торговых судов, которые он во избежание надоедливых ограничений зарегистрировал под абиссинским флагом. Он нанял меня судовым врачом на пароход «Филиаризис» – более мерзкого суденышка по морям не ходило. Опириуя одной рукой, другой я отгонял от больного крыс, а с потолка градом сыпались клопы и скорпионы.

Итак, кому-то при нынешнем положении дел понадобилась однородность. Могу устроить, но это дорого обойдется. Мне-то лично вся эта затея уже надоела... Вот и пришли... Переулочек Обузы.

Бенвей рукой изображает в воздухе какой-то узор, и дверь распаивается. Мы входим, и дверь закрывается. Длинная палата, сверкающая нержавеющей сталью, белый кафельный пол, стены из стеклоблоков. Вдоль одной стены – койки. Никто не курит, никто не читает, никто не разговаривает.

– Подойдите, приглядитесь, – говорит Бенвей. – Вы никого не смутите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.